

Майя Тень

Ответишь за всё,
ОБЕЩАЮ

ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Майя Тень

Ответишь за все, обещаю

«Литнет»

2024

Тень М.

Ответишь за все, обещаю / М. Тень — «Литнет», 2024

Напряжение сковывает движения, заставляет дрожать. Моя единственная цель – сделать так, чтобы Тим мне поверил, не злился. Нет, он будет злиться, но, чтобы это было в каких-то рамках. Не как в прошлый раз. Воспоминания о прошлом разе заставляют предпринять очередную попытку смягчить свою участь:– Этого больше не повторится, Тим...***Я была слабой. Красивой куклой. Безвольной. Цель которой – угодить тебе, выжить, спрятаться от твоего гнева. Но когда в мой мир врываются оборотни – еще более страшные, чем ты – я не упущу шанс наказать тебя за каждую слезу, за каждый день жизни, которую я не жила. Я вспомню, кто я есть на самом деле. И тогда тебе придется ответить, обещаю! ХЭ немного горчит!В тексте есть:Сильный и властный герой, готовый на всё ради своей пары.Путь от сломленной жертвы до истинной волчицы.Жесткое противостояние с мужем-тираном.Тайны прошлого, которые изменят жизнь многих героев.Неравнодушный полицейский Сэм - не главный, но очень важный герой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2.	9
Знакомство с героями. Треугольник Карпмана.	11
Глава 3.	12
Глава 4.	13
Глава 5	15
Глава 6.	18
Глава 7.	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10.	25
Глава 11.	27
Глава 12.	29
Глава 13	30
Глава 14.	33
Глава 15.	35
Глава 16	37
Глава 17.	39
Глава 18.	41
Глава 19.	43
Глава 20.	44
Глава 21	46
Глава 22	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пролог

Нью-Йорк. Полицейский участок.

– Сэм, какого черта твои ребята так долго возятся? У нас чрезвычайная ситуация. Шеф требует отчета. А нет не только отчета, но и тебя на связи.

Тот, кого капитан назвал Сэмом – суровый на вид мужик под сорок – на глазах превращается в мальчишку-подростка. Ему понадобилось около минуты, чтобы взять себя в руки и заявить, что в произошедшем его вины нет.

Не было вины. Ничьей. Просто в сраном мегаполисе, куда все почему-то стремятся попасть, один за другим умирают миллионеры и даже миллиардеры. Это можно было бы назвать эпидемией, которая заражает только владельцев солидных счетов, если бы смерть была естественной.

Но она таковой не была.

Согласно отчету, подготовленного все тем же злосчастным Сэмом, все пять смертей за последние два месяца имели насильственный характер.

Франк Аллен. Владелец сети элитных спортивных клубов. Сорок лет. Женат. Второй брак. Детей от второго брака нет. От первого брака дочь, которую воспитывает отчим. Годовой доход около 15 миллионов долларов. Смерть в результате пожара в подвале спортзала зафиксирована 20 февраля текущего года.

Брайан Смитт. Владелец винного завода. Тридцать два года. Женат. Детей нет по причине второго выкидыша подряд у супруги. Годовой доход около 18 миллионов долларов. Все близкие утверждают, что убитый не увлекался алкоголем. Однако смерть в результате алкогольной интоксикации зафиксирована 28 февраля текущего года.

Джеймс Гарсиа, гостиничный бизнес. Тридцать лет. Женат. Двое детей-погодков. Годовой доход около 15 миллионов долларов. Смерть в результате падения с девятого этажа в одной из гостиниц зафиксирована третьего марта текущего года.

Ну и далее по списку. Обыкновенные миллионеры. Не самые влиятельные люди города, но и не пустое место.

А сегодня – новая жертва. Номер шесть. Кэвин Фокс. Сорок семь лет. Женат. Был разведен. Снова сошелся с этой же женщиной. Общий сын Ричард Фокс живет в Канаде вдали от родителей уже восемь лет, причем последние пять лет практически прекратил общение и с отцом, и с матерью, а судя по слухам давно и надежно вычеркнут из завещания отцом-тираном. Тело с признаками насильственной смерти было найдено в пруду охотничье-рыболовного клуба “Логово”.

На всех трупах, которые еще можно было опознать – тонкая царапина вокруг шеи, словно кто-то рисовал кровавое ожерелье. И все. Далее – абсолютный ноль. Тупик.

Ребята и Сэм выдохлись.

Потому что знали: весь отдел будет отвечать перед инстанциями. Таких прецедентов не было в мегаполисе уже давно, если вообще когда-то такое было.

Первая насильственная смерть – уже тревожный набат, они допустили шестой случай, не факт, что он будет последним.

Кто-то отделается выговором, кто-то штрафом, полетят и шапки.

Черт, но возможно и сержанта Сэма уволят за профнепригодность!

Дорогие читатели! Спасибо всем, кто присоединился к моей новой истории. Не забывайте *ставить лайк (мне нравится), добавлять в библиотеку и подписаться на автора*, чтобы быть в курсе всех новостей. Если история вам нравится или поступки героев задевают ваши чувства, *приглашаю в комментарии* - мне будет очень приятно!

Глава 1.

Стэйси Митчелл

Тим еще не пришел, но кожа покрывается мурашками. Я примерно знаю, что меня ожидает. И да, сегодня объективно есть моя вина. Небольшая и не совсем моя, но когда это было важно для него!

На всякий случай все приготовила заранее: в прикроватной тумбочке на моей стороне лежат крем от синяков, ножницы, марлевая повязка, обезболивающие таблетки. Стакан с водой тоже принесла. Весьма возможно, что позднее, когда мне все это реально понадобится, я буду не в состоянии пойти за ними.

Бесшумно открывается входная дверь. Плохой признак, очень плохой. Так делает очень, очень злой Тим. Но я не должна показать, что что-то заметила. Надо натянуть улыбку – скромную улыбку, естественную улыбку, потому что Тим ненавидит фальш.

– Привет, дорогой, устал?

Забираю джемпер, убираю обувь, тяну руки за зонтом.

Стряхивает зонт прямо в прихожей:

– Вытри.

Тим не рывкает, не кричит, он почти всегда спокоен, и от того его гнев еще более устрашает.

Ожидание – хуже смерти. Тим прекрасно знает об этом. Делает вид, что все хорошо. И знает, что я знаю, что это не так. Стол уже накрыт. Кусок в горло не лезет. Даже соком давлюсь. Тим же, наоборот, с каким-то садистическим упоением поглощает стейк.

– Тебе нравится? – с раболепием спрашиваю я.

Если б кто знал, как в такие минуты ненавижу себя! Ненавижу свои глаза, которые с опаской и мнимой нежностью смотрят на Тима. Свой заискивающий голос. Пальцы, которые подрагивают, словно стою на ветру. Ненавижу себя уже на этапе подготовки к встрече с гневом Тима: когда переносу в шкафчик все эти мази, заплетаю или собираю в хвост волосы.

– Очень вкусно, дорогая.

Ужин в молчании длится еще около пятнадцати минут. Правда, в конце Тим его нарушает:

– Ты сегодня на редкость молчаливая, дорогая. Будь добра, убери со стола.

Как будто это редкость! Как будто в другие дни мы говорим за душу! Тим не только со мной толком не говорит, что и меня отучил от девичьих радостей – невинных посиделок и сплетен с подругами и даже родными. Я ощущала, что в этом огромном мире совсем одна. Я исчезну – никто этого даже не заметит. Да и разве я есть? Разве я живу?

Именно этот вопрос заставил меня согласиться на встречу с Диной – когда-то мы были лучшими подружками. Потом я начала встречаться с Тимом. С ума сходила от его ухаживаний. После свиданий с ним наша комнату в общежитии была похожа на цветочный бутик. Через два месяца после знакомства мы полетели в Париж, где он сделал мне предложение. Удивлял на каждом свидании, а вот Дину невзлюбил. Я видела, как портится его настроение, когда я начинала говорить с ним о ней, и сама не заметила как отдалилась от подруги. Даже на ее свадьбу не пошла. А после и она перестала искать встреч.

И вот сегодня в обед я разрешила себе согласиться на коротенькую встречу в кафе. Все рассчитала до мелочей. Кафе находится в том же доме, куда я хожу делать маникюр. С нетерпением отсидела около двух часов, пока мои ногти покроют нюдовым покрытием, которое нравится Тиму, и поднялась в кафе.

Дина похорошела. Замужество ей очень шло. Веселая хохотушка в студенчестве, она сейчас стала более спокойной, но озорной блеск в глазах сохранился. А вот я нервничала. Будто

чувствовала на себе чей-то взгляд. Даже кусочки брауни, к которому мы с Ди одинаково неравнодушны, застревали в горле.

Музыка. Нежная. Про любовь и верность. Эта песня звучит, когда Тим звонит. Я ее установила, когда он поинтересовался, какая мелодия стоит на его звонки.

Я не могла сказать ему, что встречаюсь с Диной

Или могла?

Нет, конечно, нет! Если до свадьбы он расстраивался моим встречам с подругами, то после свадьбы это стало категорическим запретом.

– Привет, дорогая. Соскучился, звоню. А ты что делаешь?

Я нервничаю, очень. Тим никогда не звонит просто так в разгар рабочего дня.

– Я ходила на маникюр. Сделала, все, как ты любишь, – не говорю, а просто выдыхаю в телефон. Живот неприятно тянет липким страхом.

– Дальше что будешь делать?

Мне бы понять, что неспроста допытывается и сказать, что случайно столкнулась с Ди, но я упорно продолжала лгать:

– Мастер все доделала. Собираюсь домой.

– Что ж, тогда поговорим дома.

Это ж просто слова. Просто. Слова. Почему я ощущаю их как угрозу?

Снова телефон. На этот раз короткое пикивание. Сообщение. От Тима. Фотография. Кафе. Мы с Ди смеемся и едим брауни. Который заказали десять минут назад.

Это не преступление.

Но лгать Тиму – преступление.

И он за это строго наказывает.

Глава 2.

«Я готова», – твержу себе.

Я знаю, что это случится. Это неизбежно.

Природа по-особенному затихает перед грозой. Тим тоже. За пару лет я научилась понимать его по словам и без них. Хотя он утверждает обратное. Объясняет, что ему неприятно меня наказывать, что любит меня, но я вынуждаю его это делать.

– Как пообедали с Ди?

Надо отвечать. Нельзя медлить. Все-таки из меня вырывается судорожный вздох, перед тем как я начинаю тараторить:

– Мы случайно столкнулись. Ди пригласила подняться попить кофе. Это было всего лишь пятнадцать минут, Тим. Я не хотела тебя беспокоить, поэтому ничего не сказала. Прости. Я знаю, что не должна была...

Я опускаю глаза в пол, но все равно продолжаю наблюдать за каждым его движением. Сейчас может произойти все, что угодно. От того страшно. Невыносимо страшно. Напряжение сковывает движения, заставляет дрожать. Моя единственная цель – сделать так, чтобы Тим мне поверил, не злился. Нет, он будет злиться, но, чтобы это было в каких-то рамках. Не как в прошлый раз. Воспоминания о прошлом разе заставляют предпринять очередную попытку смягчить свою участь:

– Этого больше не повторится, Тим.

Он дотрагивается до моего подбородка и приподнимает его, заставляет смотреть в его глаза. Сам проникает прямо в глубину моих, будто хочет что-то передать без слов, но это только пугает. Проводит пальцами по подбородку и почти ласково произносит:

– Что ж, я верю своей жене.

Только вот я не верю. Ласка от Тима куда страшнее угроз.

– Подними подол, сними трусики.

Нет, нет, нельзя! После прошлого урока прошло мало времени. Врачи сказали, как минимум месяц или два нужен половой покой. Конечно, про психологический покой тоже было сказано, но о нем я даже не мечтаю. Мне до сих пор снится мой малыш, мой маленький, перед которым я так виновата, которого так и не смогла защитить.

Я пыталась! Я закрывала от ударов Тима не лицо и голову, а живот. Но ночью началось кровотечение, и Тиму пришлось обратиться за медицинской помощью. Слишком поздно. Слишком. Мой маленький родной человек, за жизнь которого я отвечаю, вытек из меня ручейком крови с небольшими сгустками.

Прикрываю глаза. Не плакать, только не плакать. Прошлого не вернешь. А что можно и что нельзя в нашей семье решает Тим, а не доктора.

– Мне начинать считать? – голос Тима вытаскивает из прошлого.

Этот вопрос Тима действует похлеще кнута надсмотрщика. Впрочем, он им и был. Всего раз я довела мужа до того состояния, когда он досчитал до трех... Нет, не хочу вспоминать. Слишком запоминающимся оказался урок, который он тогда мне преподал.

– Нет, милый, конечно, нет. Одну минуту.

Меньше чем за минуту я сняла белье и задернула платье. Хотела снять и платье, но с Тимом лучше не рисковать. Никакой самодеятельности, никакой импровизации. Делать ровно то, что тебе сказали. Эти основы основ, которые позволяют выживать рядом с такими, как мой муж.

Я не могу сказать, что Тим вообще не заботится о моем комфорте в интимном плане. Иногда может приласкать грудь или почти нежно погладить складочки. Но видит Всевышний,

я не хочу таких ласк. Я бы убежала от всего этого и никому никогда не позволила бы прикасаться к себе. Однако я должна изображать и волнение, и предвкушения, и сладострастное что-то там. Для Тима. Но сегодня играть роль гейши откровенно сложно. Едва Тим проник в меня, в животе стрельнуло болью. Я не успела, вернее, не подумала заранее воспользоваться лубрикантом. Не думала, что Тим захочет наказать меня *таким* образом, поэтому внутри тоже все натирало, саднило. Но это было ничто по сравнению с тем, какой болью все отдавало в живот. С каждым толчком эта боль усиливалась, становилась острее. Тим научил меня терпению и стойкости, но я не смогла удержаться от еле слышного «Мне больно, не надо, пожалуйста». К счастью, Тим не услышал ни слов, ни всхлипов и достаточно быстро завершил начатое. Велев привести все в порядок и подниматься в спальную комнату, он ушел.

Я позволила себе обхватить живот и полежать прямо на полу несколько минут. Боль утихала.

Распрямившись, я убралась на кухне, протерла стол, плиту, раковину. Тим любит чистоту.

Поменяв кухонное полотенчко на свежее, я пошла наверх. Тим не любит ждать.

Знакомство с героями. Треугольник Карпмана.

Дорогие мои, предлагаю познакомиться с героями чуть ближе и чуть нагляднее.

Тим – бизнесмен, управляет компанией по организации выездных вечеров. Достаточно успешен и уважаем в бизнесе, однако дома – типичный абьюзер, контролирующий жизнь своей супруги даже в мелочах. Для Тима, перенявшего все привычки отца-деспота, физическое “воспитание” жены является нормой.

Стейси – жена Тима, жена-трофей и типичная жертва абьюзера в одном флаконе. В биографии Стейси много белых пятен, не меньше вопросов у нее и к окружающим и себе. Почему родители старательно делают вид, что их отношения с Тимом нормальные? Почему так пекутся о ее старшем брате и их почти не волнует судьба Стейси? Почему в ночь, когда на небе полная луна, ее посещают странные мысли?

Дарк – темный оборотень. Только он знает главную тайну Стейси - ту, о которой забыла даже она. Что она рождена не для того, чтобы угождать Тиму. Что внутри нее спит изгнанная волчица. Дарк разбудит волчицу! И тогда мало не покажется не только Тиму, но и всем обидчикам Стейси. Ох сколько эмоций ожидает нас впереди!

Все три героя – великолепные игроки в треугольник Карпмана (тиран – жертва – спасатель). Однако мы же помним: один и тот же игрок в этом треугольнике выполняет разные роли. Жертва не может быть жертвой, если в ней не сидит тиран и иногда не вылезает спасатель. Тиран легко оказывается в роли жертвы. Спасатель с навязчивым стремлением указать верный путь превращается в тирана, а встретив сопротивление, трансформируется в жертву.

Добро пожаловать в треугольник драмы!

Занавес уже приоткрылся!

Глава 3.

Мы вместе ложимся в постель и Тим даже спрашивает, как я себя чувствую. Не решаюсь говорить, что все было ужасно, невыносимо и, возможно, даже ненормально, я умею вовремя затыкать себе рот и говорить то, что должна:

- Все в порядке. Немного болел живот. Уже прошло, не переживай, милый.
- Как я могу не переживать, ты же моя жена.
- Спасибо, милый.

Вставляю все эти реплики в диалог на автомате. Отчего-то чувствую безграничную усталость. Но Тим, похоже, еще не выговорился, продолжает терзать мне душу:

– Я помню, что сказали врачи. Мне бы не хотелось снова скакать по больничным койкам. Считай, что за сегодняшнюю ложь ты легко отделалась, и я простил тебя.

– Да, Тим, конечно. Я не должна была обманывать тебя даже в мелочах.

– Нет, Стейси, в отношениях между мужем и женой нет мелочей. Либо ты способна на ложь, либо нет. Если подобное повторится еще раз, мне придется взяться за твое воспитание всерьез, понимаешь?

– Да, Тим. Я знаю, что ты это делаешь ради нас, ради нашей семьи.

– И ради тебя самой же.

Мне хочется уже просто откатиться на другую половину кровати и уснуть. Сон он полезный, он уносит в другую реальность. Там я счастлива, не всегда, конечно, иногда мне снится мой нерожденный малыш, и тогда я просыпаюсь в слезах. И все равно счастлива, ведь держала его на руках или за руку.

– Да, Тим, я все понимаю. Ты много работаешь, а тут еще я доставляю тебе хлопот. Прости меня, пожалуйста. Больше такое не повторится.

Может, я уже повторяюсь, фразы просто вылетают из моей головы. Я выучена их вставлять – так меньше проблем, меньше претензий, а значит, меньше и боли.

Похоже, Тим тоже считает, что выполнил долг по воспитанию жены сполна и замолкает.

Тихонько перекатываюсь на свою сторону кровати и уже спокойно закрываю глаза. Наверное, Тим прав: я легко отделалась

Глава 4.

Нью-Йорк. Полицейский участок.

–Воу-воу, сержант Сэм опять не в духе. Что на этот раз. Капитан Мэт «поднял настроение»?

Сэм предпочел промолчать. Похоже, привычки, выработанные в начале карьеры и благополучно забытые за давностью лет, вновь начинают возвращаться. Последние дни на службе он больше молчал, виновато кивал, а вся речь была похожа на оправдательный лепет самого себя и ребят.

Докатиться до такого в расцвете карьеры!

Но Нейт прав. В очередной раз их отчитали как стажеров, что работали первый день и только и делали, что считали ворон.

– Какова ваша цель? Ваши задачи? – орал шеф так, что стекла звенели.

– Проводить профилактику преступности... обеспечивать безопасность среды для жизни и здоровья людей... защищать права и свободы граждан, – нестройным хором ответили ребята и сам Сэм.

– Какого хрена вы кому обеспечиваете, если убийца или убийцы спокойно приходят в дом и режут шеи мирным гражданам, лучшим налогоплательщикам города? – орал капитан.

В общем-то сержант Сэм понимал его. Скорее всего, капитан то же самое вынужден был выслушать от самого шефа, а шефу предъявляли претензии и задавали очень неудобные вопросы все, кому не лень: растревоженная общественность, блогеры-акулы, журналисты. Скорее всего волна негодования сегодня приобрела новую силу: в 10 часов 15 минут владелец яхт-клуба Альфред Миллс был найден в своем клубе с пулевым ранением. Почти бездыханное тело было обнаружено работником клуба, уборщиком. К тому времени жертва уже бредила, еле вытягивая дрожащими губы слово ««doff» [1]. Работник был перепуган, вызвал полицию и врачей. Сколько ни пытали его полицейские, ни расспрашивал Сэм лично, кроме того, что предсмертными словами Альфреда Миллса были повторяющиеся в муках «doff» ничего интересного уяснить не смогли.

Хотя почему нет? Нашлось кое-что еще. В кают-компании была обнаружена записка с золотым напылением. Возможно, кто-то обронил. Эта версия прорабатывалась. А возможно, что записка и принадлежала тому убийце, что щедро раздаривал уже третий месяц кровавые ожерелья. Во всяком случае, Сэм склонялся к этому варианту. Смущало только вот это мученическое doff – что надо было снять? При чем тут снять?

Разговор с супругой убитого никак не помог разгадать значение данного слова. В целом Сэм имел большой опыт коммуникации в интересах следствия с членами семьи потерпевших. Ему удалось немного поговорить молодую вдову. Дженни Миллс пыталась помочь следствию, отвечала на вопросы Сэма, иногда срываясь на рыдания. Тогда Сэм протягивал ей стакан с водой и, отпив глоток, Джени продолжала отвечать на вопросы.

– Были ли у вашего мужа враги?

– Я... я не знаю, по работе иногда были трудности. Кто-то срывал сроки аренды или ремонт яхт занимал много времени. Тогда он кричал, но быстро успокаивался. Не думаю, что за это можно держать зло.

– Кричал? А на вас он кричал? Какие были у вас отношения?

– Вы что, вы... вы на что намекаете?

– Дженни, я прошу простить меня, это стандартные вопросы. Я пытаюсь найти зацепку.

– Нет, у нас были хорошие отношения. Я знаю, что говорили за моей спиной о разнице в возрасте. Ему почти сорок, мне двадцать шесть. Деньги были не главными для меня, поверьте. Альфред был очень разносторонним человеком, я восхищалась им.

Сказать по правде, Сэму не нравились трагические случаи в обеспеченных семьях с разницей в возрасте между супругами. За годы работы в полицейском участке он встречал весьма изощренные способы завладения материальными ресурсами со стороны молодой невесты или молодого жениха. Как правило, стоило недолго покопаться в таких историях, и ниточка за ниточкой клубок распутывался, но удовлетворения не приносил, оставался неприятный осадок. Однако терзать Дженни подробностями о личной жизни в настоящий момент не имело смысла. Она просто закроется. К тому же молодая вдова была довольно искренна в своем горе.

– Дженни, а в каком плане он был разносторонним? Какие увлечения у него были? Были ли друзья?

– Альфред сам говорил, что в бизнесе настоящих друзей не бывает. Однако успешность зависит от того, умеешь ли ты строить не только рабочие, но и личностные отношения. Из тех, кого я знаю, помню, это были Марк Альварез, Тимоти Митчелл. С ними он посещал несколько раз клуб «Логово», но ездили они туда без жен.

Сэм поблагодарил Дженни и взял адреса этих друзей. Как бы ни было соблазнительно идти по привычному пути, условно исходя из того, что к смерти причастна молодая вдова, надо было проверить все версии, а чтобы эти версии появились, необходимо тщательно изучить круг общения потерпевшего. Иначе Сэму, который ночами не спал, чтобы выполнить тест для получения звания сержант, придется еще долго оправдываться перед капитаном, ощущая себя стажером, работающим тут без году неделя.

[1] doff (англ.) – сними (шляпу и т.д.)

Глава 5

Тим ушел заверять документы, связанные с работой, с нотариусом, обещав быть дома к двум. Мне надо было к этому времени приготовить обед. Так как особых распоряжений насчет блюд Тим не оставлял, решаю запечь рыбу и отварить картофель.

В последние дни Тим меня почти не трогал, поэтому внутри появилась какая-то свобода, что ли. Подумать только, совсем недавно мы встречались с Ди, мы разговорились, и я даже подумала, что решусь второй раз уйти от него. Только на этот раз об этом никто не будет знать и некому будет меня предавать в самый переломный момент.

Сейчас все это кажется глупостью. Тим словно снова стал тем, кем был, когда ухаживал за мной. Приходил домой с цветами, говорил комплименты. Если был недоволен, выражал свои чувства словами – никаких ненавистных воспитательных мер за последнюю неделю-две. Нет, вздрагивать от недовольного голоса я еще не перестала. Отвечать на просьбы по первому зову, встречать после работы с ужином на красиво сервированном столе, его любимое кофе и тосты на завтрак – эти мелочи остались прежними, они слово вшиты уже в мои настройки «хорошей жены успешного бизнесмена» и выполняются независимо от моего самочувствия и желания. Лезть в его дела, пытаться менять планы на выходные, брать машину и съездить в город – на такое я еще не решаюсь и вряд ли когда-нибудь решусь. Но все равно штиль в доме дарил какое-то ощущение спокойствия.

Звонок в дверь уже почти не вызывает тревогу. Привычно быстрыми шагами открываю. Тим одобрительно косится на мою новую домашнюю форму: его замечание о том, что он хотел бы видеть жену в доме в более открытой и делающей мое тело доступным для него одежде не было проигнорировано. Вместо привычных штанов и футболке на мне сейчас шорты и футболка с вырезом. По-хозяйски запускает руку в вырез футболки и сжимает грудь. Смотрю на него – доволен, значит, и сегодняшний день пройдет без происшествий. Даже хочется прижаться к нему, но не решаюсь, пусть пообедает.

– Обед готов, милый. Стол накрыт.

Тим не благодарит, потому что это – мои непосредственные обязанности. Но, приученная за последние несколько дней к хорошему отношению, все равно жду, что скажет, что вкусно, красиво. Зря жду. Ну что ж, не все сразу, Стейси! Еще недавно я о таком покое даже мечтать не могла.

Наш совместный довольно мирный обед прерывает звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь, а я об этом не знаю? – голос Тима снова превращает его в того, каким я его узнала после свадьбы – жесткого контролера-тирана. От этой интонации по позвоночному столбу вниз словно струйкой стекают мурашки. От скрытого смысла в словах, от скрытой угрозы становится обидно. Я не понимаю свою реакцию: ради своей же безопасности должна сказать, простое «нет», а еще лучше «нет, конечно, милый». Это должно слетать с моего языка на автомате. А у меня в уголках глаз собираются слезы, и я сама не замечаю, как произношу:

– Как ты можешь так думать, милый?

Сама в ужасе от своего бунтарства. Я даже не хочу, не могу поднять глаза, чтобы посмотреть на него. А дальше случается худшее. Звучит повторный звонок, и Тим сам идет открывать дверь. Сам! В нашей семье это моя обязанность! Очень надеюсь, что он простит мне такую оплошность. А от понимания того, что «хорошие» дни закончились, пара слезинок все же скатываются по щеке. Поспешно вытираю. Надо пойти переодеться. Вряд ли Тиму понравится, что я щеголяю в шортах перед незнакомыми людьми, а то, что незнакомец, вошел в дом, я слышу по приближающимся шагам.

– Добрый день, я – сержант Самуэль Хэйз. Разрешите, я займу несколько минут вашего времени. Как вы знаете, ваш друг Альфред Миллс был убит двенадцатого марта в первой половине дня. В связи с этим у меня к вам несколько вопросов.

Все мои переживания, проблемы по щелчку пальцев превращаются в нечто мизерное. Альфред мертв... Мы встречались с семьями несколько раз, нельзя сказать, что дружили, но мне он нравился. Он был каким-то живым, настоящим, я даже завидовала его жене.

– Но в день убийства я уже общался с полицией, мистер Самуэль!

Мурашки по коже: Тим знал и ничего мне не сказал. Для него это такое незначительное событие? А похороны? Они были?

Альфреду в этом году должно было исполниться сорок лет. Его жена – моя ровесница – готовила ему сюрприз, Дженни начала брать уроки танцев живота и хотела продемонстрировать свои навыки в ночь на день рождения мужа. Нельзя праздновать сорокалетие, никаких подарков, я так подумала, но не решилась портить настроение. И сейчас, когда до этого дня осталось дней десять... Бедная Дженни. Надо ей позвонить...

Обрывками слышу разговор сержанта и мужа. Смысл еле успеваю уловить.

... выстрел

... запонки

... яхта

... doff...

Наверное, в мире больших денег такие смерти случаются часто. Но ведь даже в таком случае какие-то предпосылки убийства должны быть: взятки, контрабанда, связь с криминалом... Не знаю, что еще может заставить человека уничтожить другого. Не верю, что Альфред мог быть замешан в грязных делах, но ведь этот мир мне знаком плохо. Я бывала на торжественных мероприятиях, куда было принято приходить с женами. На яхт-вечеринку у Альфреда Миллса мы с Тимом тоже были приглашены. Но я не смогла туда пойти. Заболела тогда. Не без помощи Тима, конечно. Несколько раз мы с Тимом вместе посещали аукцион. Но этого мало, чтобы знать изнанку бизнеса.

Выныриваю из своих мыслей, когда внимание сержанта переключается на меня. Внимательно слушаю. Очень хочется помочь следствию. Только не знаю как. Стараюсь вспомнить каждую мелочь, только вряд ли мои знания могут чем-то помочь.

– О, мистер Самуэль, его врагах ничего не знаю, Тим старается не впутывать меня в мир мужских дел...

– У них с Дженни были потрясающие взаимоотношения. Мне кажется, любая бы такому позавидовала. Он любил ее, Дженни им искренне восхищалась. А еще они смешно подшучивали друг над другом. Дженни начала изучать восточные танцы – тоже специально для него. Я думала, такая любовь может быть только в книгах...

– О его увлечениях я знаю только про «Логово», да и там он игнорировал охоту, по словам Дженни, рыбачить рыбачил, но улов домой не приносил – отпускал рыбок обратно в пруд. Она им так восхищалась!

– Да, мистер Самуэль, если что-нибудь вспомню, обязательно сообщу. Конечно, вы тоже можете приходить, если возникнут вопросы...

Но в наш разговор встревает Тим:

– Позвольте не согласиться, сержант. Я стараюсь оберегать жену от потрясений. Жестоким мир бизнеса, убийства не для женских глаз и ушей. Поэтому буду очень признателен, если вы оставите мою жену в покое. Она рассказала все, что знает. А теперь – позвольте вас проводить?

Не обращаю внимание, как Тим и сержант уходят. Я заметила, что мой разговор с сержантом его раздражает. Возможно, так проявляется его нервозность по поводу смерти друга?

– Тим, прими мои соболезнования, Альфред был таким...

Не успеваю договорить, как отлетаю влево и падаю от мощного толчка. Хочу уползти подальше, но злобное лицо склоняется надо мной и рывком заставляет подняться вверх. Слюни брызгают одновременно со злобным шипением: «Сука» и еще один болезненный удар заставляет согнуться пополам.

Глава 6.

Глава 6.

Тимоти Митчелл

– Стейси! – зову негромко свою горе-жену.

Она лежит, вся закутанная в плед и не шелохнется. Ни звука. Только дыхание – иногда нормальное, иногда чуть судорожное – выдает, что передо мной живой человек, который просто спит.

– Стейси, милая!

Точно спит. Если бы не спала – не посмела бы проигнорировать второй мой зов. Ну и хорошо, ну и ладно. Сегодня задал ей хороший урок, потому что за последние две недели забаловал. В очередной раз убедился, что с женщинами по-хорошему нельзя, не понимают они такого к себе отношения. Лошади понимают, собаки понимают, женщины – нет. Уж сколько я свою воспитывал, дрессировал можно сказать, был уверен, что все понимает – нет, забыла все правила поведения при этом сержанте.

Раскрываю плед и осторожно, стараясь не тревожить жену, рассматриваю ее тело. Гематома в средней части спины, синяки на ногах – ничего страшного, за одеждой не видно. А вот то, что не сдержался и разок хорошенько проехался по ее личику мне не нравится. Нет, неделю дома посидит – не обломается, конечно. Главное, чтобы вот такие сержанты Сэмы без предупреждения в дом не заявлялись. Сделать-то они мне ничего не сделают, а вот взволновать Стейси, поселить в ее глупенькой головке нехорошие мысли могут. Стейси, конечно, наивная до глупости, но после первого раза, когда кто-то вселил ей в голову мысль, что от мужа можно уйти и специальные организации помогут на первых порах, практически без труда нашел и доходчиво объяснил, что мы теперь вместе до конца.

Нежно втираю противовоспалительную мазь на гематому на спине, осторожно обрабатываю синяк на лице. Возможно, прикосновение вызывает все же боль, потому что, когда начинаю обрабатывать синячки около плеч, из Стейси вырывается тихий всхлип и она дергается всем телом.

– Ш-ш-ш, – успокаивающе шепчу ей, – спи, спи, еще не утро.

Стейси делает еще пару судорожных вздохов и снова погружается в сон. Моя девочка. Моя послушная девочка. Если бы ты всегда была такой! Мне бы не пришлось учить тебя жизни, жили бы без этих ссор и счастливо. Ведь главное в жизни – это ты и я. Жизнь Альфреда и Дженни вообще нас не касается и полицейский – этот не тот человек, перед которым надо распинаться, расхваливая чужого мужа и чужую любовь. Я – твоя любовь, ты – моя любовь. Я зарабатываю деньги и забочусь, чтобы ты была одета и накормлена, ты – обеспечиваешь уют и надежный тыл. У нас идеальная семья. А ты с горящими от восхищения глазами хвалишь чужого мужа. Хватит того, что по работе приходилось терпеть этого Альфреда. Слабак! Подкаблучник! Потому и прожил недолго, в бизнесе не место слабакам!

Час ночи. Впервые за всю жизнь не могу уснуть. О Стейси вон, среди ночи начал заболеть. Люблю ее все же, не любил бы – не ухаживал бы так сейчас. Красивая, свернутая в калачик и одеяльце, выглядит такой милой и беззащитной. Даже отметины, что оставил днем, не портят ее красоту. Целую жену в щеку и тянусь за стаканом с водой. Отчего ж не спится и незнакомое мне ощущение тревожит душу. Еще и отвратительно-желтая луна нагло лезет в окно. Стейси не зашторила окна на ночь. Прикрываю себя и свою семью от наглого взгляда небесного тела – задерживаю шторы наглухо.

Глава 7.

Стейси Митчелл

Все смешалось. Измученные тело и мозг погрузились в сон достаточно быстро, но вряд ли его можно было бы назвать целебным. Я специально не зашторила окно, чтобы ярко-желтая луна светила, не давала полностью погрузиться во тьму, коей была сейчас моя жизнь. Последняя надежда, что я смогу сбежать от Тима умерла тогда, почти год назад.

Не увязнуть в пучине отчаяния помогали мои иллюзии. Иллюзии, которые порождал мой бедный глупый мозг. То это была ложная надежда на то, что ребенок исправит ситуацию. Эта иллюзия разбивалась особенно долго, особенно больно. То иллюзия того, что я приспособлюсь к Тиму, выучу его привычки, не буду перечить, и он поймет, что я приняла его правила и хотя бы перестанет поднимать руку.

Ложь! Все ложь и обман! Рано или поздно дело кончится тем, что он попросту убьет меня, а потом сфабрикует дело: Стейси Митчелл, супруга Тима Митчелла по неосторожности оступилась и упала. От осознания этого трясло, будто у меня появился жар, и я легла, укутавшись в одеяло.

Болела голова. В ушах то появлялся, то исчезал непонятный шум, гул. Иногда всплывали из ниоткуда картины-фрагменты сегодняшней нашей «ссоры» и также уплывали. Апатия накрывала с головы до ног, не хотелось ничего. Тим «великодушно» разрешил отсидеться в спальне, сказав, что сам разогреет себе ужин. А мне принес стакан горячего молока с медом. От такой заботы хотелось плакать, выплеснуть бы ему в лицо это молоко. Да разве я посмею!

Не приняла душ, не почистила зубы, я просто укуталась в одеяло и лежала, смотрела в потолок. Ярко-желтая луна заботливо подглядывала в окно. Я ощущала себя той несчастной девушкой из легенды, которую злая мачеха заставляла таскать воду в дырявом ведре и избивала за отсутствие воды. Почему Луна забрала девочку к себе, унесла, избавила от всех страданий и боли? Почему мне никто не поможет? Разве живя с Тимом, я вот точно также не таскаю воду в дырявом ведре?

Верхом цинизма казалось то, что когда Тим принес молоко, поинтересовался делами моего старшего брата.

– Как дела у Николаса? В последний раз я слышал, что у него опять долги по кредитам? Если будешь звонить матери, спроси, возможно, смогу поддержать.

Доброта? Забота? Отнюдь! Я знаю, что он проследит, чтобы я передала родителям его слова. И завтра мне придется обязательно это сделать. Не ради Ника, а ради себя: то, о чем попросил Тим должно выполняться без рассуждений. А матери и отцу очень нужно, чтобы кто-то вытаскивал из всех передрыг их любимого сыночка. Ненавижу его! Ненавижу их! И себя такую беспомощную тоже ненавижу. Пусть бы Тим сам звонил и предлагал помощь всем, кто поддерживает его зверства. Избавил бы меня от этой унижительной процедуры.

Измученное сердце скачет-вырывается из грудной клетки, рваные всхлипы просятся наружу, и я их не сдерживаю, все равно Тим не слышит, значит, можно. Скачущее сердце заставляет встать, несмотря на слабость во всем теле. Не могу вздохнуть полной грудью. Открываю окно. Мартовский ветер треплет волосы, холод пробирается под кожу. Мне все равно. Все равно. Заболеть и умереть не самый плохой из всех возможных финалов моей жизни.

Только судьба, видимо, со мной не согласна. Даже Луна как-то по-строному смотрит на меня за крамольные мысли. А ветер, внезапно усилившийся несколько раз, с треском захлопывает окно.

Кажется, Луна снова подобрела. Я, наверное, брежу, раз начинаю олицетворять небесное тело. Это удел поэтов, в моей же жизни из поэтического только... только ничего. Не знаю зачем,

но слабо машу Луне руками и отправляюсь в кровать. Лучшее, что я могу для себя сейчас сделать – выспаться и набраться как можно больше сил. Сегодня и завтра я точно могу не бояться Тима, понапрасну не тронет, а вот что будет дальше – неизвестно.

Слезы стекают и с сами же высыхают на щеке. Луна продолжает укутывать светом, баюкать, пока я не погружаюсь в смесь каких-то видений.

...Огромный темный волк сажает меня на спину, катает по лунному полю. Нам хорошо, мы вместе воем на луну. Воем, и нам смешно, радостно! Катаемся по траве, воем и катаемся, воем и смеемся-заливаемся. Только внезапно я остаюсь совсем одна. И даже хуже, чем одна: замечаю, как ко мне подползает противная, золотистого цвета змея. Она трогает меня, гладит спину, ноги, прикасается к плечам. Хочу сказать, чтобы она убиралась отсюда, но получается только судорожно вздохнуть. А она продолжает втирать свой холодный яд, который приятно охлаждает, но в итоге убьет меня, у может и уже убивает.

Глава 8

Открываю глаза. Тим еще спит. А у меня привычка, выработанная не первый год: ставлю будильник и все равно просыпаюсь на 10 минут раньше. Проспать нельзя: надо успеть приготовить завтрак и красиво сервировать стол; допустить звонка будильника тоже нежелательно: у Тима портится настроение. Так что выключаю телефон, привожу себя в порядок и отправляюсь на кухню. Мне везет хотя бы в том, что к завтракам Тим непривередлив, а вот обеды и ужины должны быть разнообразными, обильными. Включаю кофемашину, намазываю подсушенные тосты арахисовой пастой и кладу сверху кружочки бананов. Успеваю секунда в секунду: Тим как раз появляется на пороге кухни.

– Умница, то, что я люблю, – целует в щеку и садится за стол. Недолгий завтрак сопровождается обычным семейным диалогом: Тим спрашивает – я отвечаю.

– Подойди ко мне, – требует Тим сразу после завтрака.

Трогает след от синяка, который успел пожелтеть, внимательно рассматривает. Наконец, выносит вердикт:

– Вот эту херню надо будет хорошо замазать тональным кремом. И в области шеи и плеч посмотри. Завтра аукцион, в 15.00 за тобой заеду, будь, пожалуйста, готова.

– Да, конечно, Тим.

Тим приподнимает бровь и вопросительно смотрит на меня. Мне знаком этот знак: легкая степень недовольства, которая может легко перерасти в высокую. Признаюсь, мой косяк. Голос прозвучал фальшиво. Целую Тима в щеку и с должной интонацией, но избегая переигрывания произношу:

– Конечно, я буду готова, милый. Выберу одежду, украшения, пришлю фото, чтобы с тобой согласовать. А вот волосы...

– Водителя после обеда отпущу. Можешь звонить ему, Майкл тебя отвезет в парикмахерскую.

– Спасибо, милый. Я не подведу тебя.

– Ох, Стейси. Очень на это надеюсь. Будет выставлена картина «Логово», принадлежит перу малоизвестного художника с загадочной судьбой, написана аж в XVIII веке. Мне бы очень хотелось приобрести ее.

– Надеюсь, у тебя все получится. Милый, с вечера приготовила два костюма и рубашки к ним. Выбери, пожалуйста, какой наденешь на работу? И скажи, что подготовить к аукциону. Или ты в рабочем?

Конечно, Тим не идет на аукцион в рабочем костюме, хотя я забочусь о том, чтобы любая его одежда выглядела идеальной. После небольших раздумий выбираю и себе наряд: платье с рукавами три четверть и цвета графит, расшитое в верхней части неброскими пайетками, золотой браслет – подарок Тима и аккуратная черная сумочка. Делаю идеальный неброский макияж, остальное – дело парикмахера. Получается неплохой результат, тем более мои отметины на лице и плече не замечает даже парикмахер, хотя, быть может, она тактично промолчала.

Аукцион для меня – как рулетка. Тиму нравится приобретать дорогостоящие редкие вещи, однако он весьма требователен к ним, не каждая вещь вызывает у него интерес.

Иногда аукцион – как прогулка. Неутомительная беседа с бизнес и другими партнерами, разглядывание любопытных лотов, размеренный голос ведущего, красивые женщины и мужчины...

Иногда же сидишь как на пороховой бочке, от всего сердца желая Тиму получить вожделенную игрушку. Нетрудно догадаться, кто будет пострадавшим от его плохого настроения, если он не получит любимую вещь.

Первый час аукциона Тим откровенно скучает: фарфоровые куклы-статуэтки, винтажные игрушки, старинная лампада и прочее его мало интересует. Все его внимание сосредоточено на какой-то картине, хотя особый интерес к искусству я у его никогда не замечала.

Мне спокойно и даже хорошо в этом обществе. Возможно, потому, что еще один день почти прожит. Мы приедем домой, поужинаем, примем душ и ляжем спать. Скорее всего Тим устанет и не будет лезть к моему телу. А завтра будет еще один день. Тревожный или почти спокойный – еще неизвестно, а гадать бесполезно.

Но вот почти всегда спокойный Тим начинает беспокоиться, постукивать носком ботинка об пол – верный знак того, что он жаждет обладать какой-то вещью на аукционе. Я же была от живописи так далека, что даже не спросила работу какого художника и почему он жаждет заполучить, что изображено на полотне. Тим эту оплошность также оставил без внимания. А еще взял у официанта два бокала шампанского – себе и мне.

– На удачу, дорогая. Я должен ее заполучить. Даже Альфреду это не удалось. А мне должно повезти.

Еле слышный звон чоканья. Только я не успеваю пригубить даже каплю, какой-то неосторожный мужчина задевает локтем и игристый напиток проливается на пол, оставляя капли и на моем безупречном костюме.

– Ох, Стейси, беда ты моя, – качает головой Тим, хотя моей вины вообще не было.

Обижаться на Тима бесполезно. Обижаться на Тима – накликать беду на свою голову. Поэтому просто отпрашиваюсь у мужа в дамскую комнату.

– Пять минут, Стейси, не больше, – строго указывает Тим.

Да, знаю, через пять минут вынесут лот, ради которого Тим собственно и пришел сюда. Быстрыми шагами направляюсь в туалет, чтобы протереть мыльным раствором пятно на любимом платье Тима. По моим расчетам пяти минут как раз хватает, чтобы затереть пятно. Поспешно выхожу из дамской комнаты как кто-то грубо тянет за локоть. Приглушенный свет не показывает его лица, но я решаю, что задержалась больше положенного и это рассердившийся Тим пришел за мной. Но проговорить слова-оправдания не успеваю, голос, гораздо грубее привычного для меня, просит, нет, требует:

– Миссис Митчелл, советую увести отсюда мужа и самой убраться побыстрее, до покупки картины. Иначе платить будете оба, и цена вовсе не понравится, как не понравилась Альфреду Миллсу. Знакомое имя, не так ли?

Глава 9

Не могу произнести ни слова. Вся моя жизненная энергия, весь мой фокус внимания каждую минуту моей жизни направлены на то, чтобы угодить Тиму, предупредить его желания, выполнить все, что по его мнению я должна выполнять. У меня просто нет никаких сил просить его отказаться от его желаний. Это опасно. Это бесполезно.

– Это бесполезно, сэр. Позвольте моему мужу самому решать, что и за какую цену приобретать на аукционе. Простите, я спешу.

Незнакомец больно хватает за локоть и заставляет развернуться к нему лицом.

– Что вы делаете? – возмущенно заявляю ему. Оказывается, у меня есть силы возмущаться, или это только перед Тимом я превращаюсь в покорную овцу?

Вообще-то, скорее всего так и есть. В обществе Тим не допускал даже косых взглядов мою сторону и сам вел себя чаще всего весьма предупредительно. Особенно там, куда могла просочиться пресса. Подать пальто, раскрыть зонт, подвинуть стол, открыть дверь – его манерам позавидовал бы любой аристократ.

– Я спешу к мужу, – еще раз добавляю, теперь уже глядя прямо в глаза незнакомцу. В темных глазах скрывается мрак, жесткие губы слегка поджаты, в выражении лица нет даже намека не то, что на человеческую теплоту, а даже на любезность в рамках делового этикета. Только на мгновение вижу как глаза из темных превращаются в ярко-янтарные, сверкают – будто огнем полыхают.

– Я вас предупредил. Картина все равно у вас надолго не задержится, а вот жизнь ваша... Впрочем, может, вы верите, что помогут деньги, связи или что у вас девять жизней... – нет. На все отвечаю разом, Стейси Митчелл – нет.

Проскальзываю в глубину зала, без труда нахожу Тима. Похоже, на этот раз он оставил без внимания мое опоздание на пару минут, нетерпеливо тянет меня в сторону картины:

– Она прекрасна, Стейси, и она должна быть моей.

Я вижу, как возбужден Тим, он горит этой идеей. Он сейчас ничего не видит и не слышит вокруг. Бесполезно его уговаривать или отговаривать, но...

...но взгляд темных глаз, за мгновение превращающийся в янтарный, пламенный пугает даже больше.

– Милый, она... она пугающе-страшная. Может, нам стоит подобрать другую картину... пожалуйста...

Тим не отвечает. Взгляд говорит больше слов. Я знаю, что мне стоит остановиться, промолчать. Ненавижу того незнакомца, который нагрузил меня непосильной задачей. А самое страшное – я спиной чувствую его взгляд. Он направлен мне на затылок и это место печет, словно пламенно-янтарные глаза действительно обладают свойством обжигать.

Чувство абсолютного бессилия накрывает с головы до ног. Я боюсь того, кто сидит рядом со мной, но и от испепеляющего мой затылок взгляда мне тоже страшно. Я даже не могу свернуться калачиком и спрятаться, не могу опустить глаза, я прекрасно знаю свои обязанности, отлично осведомлена о том, как должна вести себя в обществе и ряд правил мной сегодня уже грубо нарушен. Наивно думать, что Тим этого не замечает. Замечает! Еще как! И найдет место и время напомнить мне об этом.

Я сохраняю на лице легкую улыбку. На моем лице должна быть маска. Никто не должен заметить, что сейчас со мной происходит. Подношу ладонь Тима к своим губам, целую, наклоняюсь и шепчу:

– Я себя плохо чувствую, Тим, пожалуйста, мы можем вернуться домой?

Я знаю, что со стороны кажется, будто мы обмениваемся милыми любезностями, но кто бы знал, как колотится в груди сейчас сердце. Тим не показывает недовольство ни взглядом, ни словом. Угрозы просто витают в воздухе, облачаются в безобидные слова:

– Милая, ты же знаешь, как для меня важна эта картина...

– Тим, пожалуйста...

Тим берет меня за руку, и мы выходит из главного зала. Я не верю. У меня получилось? Не может быть, не может! Жуткий страх за последствия моего поведения и ликование соединяются в единое целое, невероятно опьяняющее целое.

Только вот моя радость продолжается недолго: Тим усаживает меня в удобное кресло в коридоре, чуточку приоткрывает окно.

– Так лучше?

Теряюсь, не знаю, что сказать. Вроде, должна согласиться. Но после моего кивка головы он же уйдет за картиной.

– Да. Пожалуйста, не оставляй тут меня одну.

Тим нависает, с прищуром, от которого я съеживаюсь на глазах, смотрит на меня. А потом выдает фразу, от которой сердце прыгает вниз, фразу, которая не предвещает для меня ничего хорошего:

– Я ненадолго, милая. А дома нас ждет непростой разговор.

Глава 10.

– Я ненадолго, милая. А дома нас ждет непростой разговор...

Слова проникают в мозг битым стеклом и продолжали терзать, хотя Тим не задержался ни на минуту и поспешил туда, где продают его фетиш, его идею фикс, как оказывается, за последние несколько месяцев – картину, несущую для нас погибель.

На минуту, мне кажется, я даже смиряюсь: погибель так погибель, не так уж и много хорошего было в моей жизни. Да и, если я останусь жива вопреки угрозам незнакомца, вряд ли о смерти Тима буду долго страдать. Стокгольмский синдром во мне погиб в зачаточном состоянии, и я не боготворила своего тирана. Я просто боялась диким, животным страхом, который лип, просто лип во все внутренние органы, заставляя трепетать.

Однако как-то скоро меня осенило, что я не хочу умирать, что я вообще-то еще и не жила, что мне надо побороться с этой или против этой картины! Но блин и быть битой Тимом я не хотела!

Мама!.. Не знаю, насколько уместно восклицать это слово в моей ситуации, потому что надежды на ее помощь практически нет. Но даже мизерным шансом я должна воспользоваться. Беру телефон, воровато оглядываюсь по сторонам и, вздохнув с облегчением, потому что никого рядом не было, набираю номер.

– Привет, мама. Я соскучилась...

Делаю небольшую паузу, чтобы услышать в ответ... чтобы что услышать: «Я тоже соскучилась»? Да, мне бы очень хотелось что-то такое, теплое, что поможет справиться со страхом. Наворотила я дел, только начинаю осознавать всю тяжесть всего: солгала о своем самочувствии, пыталась манипулировать. Да, во все это делалось как бы во благо, но ведь это ни разу не учтется Тимом. А насчет лжи по мелочи и без мне только неделю назад был сделан строгий выговор с не менее строгим трахом.

– Привет, Стейси. Передавай большое спасибо мужу. На прошлой неделе он закрыл задолженность по кредиту Николаса за целых три месяца. Вот бы если бы Тим еще и на работу пристроил, под его крылом-то Николас бы смог вырваться в люди.

Можно, я не буду больше слушать про Николаса и его долги? И о том, какой мой муж хороший тоже не буду? Тим далеко не дурак, он работает только с очень проверенными людьми, потому его бизнес и процветает. Николаса он даже близко не подпустит в свою компанию даже в качестве уборщика.

– Мам, может, вы к нам придете в гости? Вот заодно ему в лицо и скажете спасибо. Мы сейчас на аукционе, но через пол часа будем дома. Как тебе идея?

Если родители придут к нам, Тим меня сегодня точно не тронет. Отсрочка, конечно, не значит, что наказание не наступит вообще, но пусть это будет не сегодня, пожалуйста! Затаив дыхание, жду ответа мамы:

– Что случилось, Стейси?

Стараясь говорить как можно тише, признаюсь маме в своей проблеме:

– Мама, Тим сердится на меня... Я... в общем, сегодня я...эээ совершала поступки, которые его всегда злят, и мне бы хотелось... чтобы вы...

– То есть, Стейси, ты не хочешь отвечать за свои поступки? Ну что ты вечно как маленькая?

Если бы у меня была дочка, если бы у нее был муж-Тим, я бы бежала с всех ног, чтобы спасти ее. Мне же приходится оправдываться, снова и снова, перед всеми!

– Я готова отвечать за свои поступки, но не таким же образом, мама! Я.. я очень прошу.. А сколько осталось кредитов у Николаса? Хочешь, я как-нибудь попрошу у Тима, чтобы он и их закрыл? Постараюсь попросить?

– Охх, Стейси, Стейси. – Мамин укоряющий голос болью отзывается в груди. Я знаю, что она мне не верит. Она, как и я, прекрасно знает, что долги и кредиты Николаса погашаются на определенную сумму после очередного воспитательного вечера в нашей семье. Чем строже воспитательный процесс – тем большая сумма списывается с долга Николаса. Тим отлично выдрессировал мою семью. И сейчас за это так обидно...

Я не знаю, мама первая выключила телефон или ... это тот, с янтарными глазами:

– Зачем вы разговариваете с глухими людьми?

– Вы? Как вы так можете? Это мой телефон...

Но незнакомец, с которым мы слишком часто сегодня пересекаемся, будто и не слышит:

– Во-первых, повторяю вопрос: зачем вы разговариваете с людьми, которые в открытую заявляют, что вас не слышат, не хотят слышать. Во-вторых, муж вас бьет?

Никто в обществе не знает, что происходит в нашем доме за закрытыми дверями. В список моих проступков за сегодня добавилось еще одно: кто-то уже усомнился в идеальности нашей семьи. Быстрее, как можно скорее стараюсь разубедить его в том, в чем он только что имел возможность убедиться:

– Конечно, нет! Вы подслушивали телефонный разговор! Как... как вам не стыдно!

Янтарные глаза блестят: ни капли раскаяния, ни намека на извинение.

– Когда мне стыдно за свои поступки – это бывает очень редко, Стейси Митчелл, поверьте мне, – я прошу прощения у тех, кому причинил неудобство. Я уверен, если закатаю рукав этого платья, то найду там пару хороших синяков, старательно замазанных тональным кремом. Но я действительно не хочу причинять вам неудобство, поэтому не буду этого делать. А вот это – спрячьте в свою сумочку.

Незнакомец исчезает также внезапно как появляется, а я, не глядя, кидаю в сумку визитку, которую протянул мне этот странный обладатель странных глаз.

Глава 11.

Тим приглашает меня насладиться прекрасной картиной, которую я теперь воспринимаю как личного врага. Стоит ли она тех денег, что заплатил Тим? Стоит ли она тех нервов, что я убила за сегодня? Если завтра с утра обнаружу у себя пару-тройку седых волос, точно не удивлюсь.

– Стоп, – грустно торможу сама себя, – вот насчет завтра и седых волос еще надо будет подумать. Неизвестно, какое показательное выступление приготовил Тим для меня за сегодняшний вечер.

А пока... послушно смотрю на картину. Обычную. Непримечательную вообще. Серо-черное логово. Серое – потому что вход едва-едва прикрыт сухой поблеклой травой. Такой – на которую босиком ступишь – вскрикнешь и подпрыгнешь от колючего укуса. Черное – потому что внутри самого логова – тьма, мрак, путь в неизвестность. А еще внутри будто огонь полыхает. Притом нарисовано это так реалистично, кажется, что пламя есть на самом деле, аж жар передается по позвоночному столбу. И только на заднем фоне, где ярко-желтая Луна соединяется с землей, виднеется силуэт волка – темного. Силуэт еле виднеется, а мощь этого волка ощущается и притягивает взгляд.

Но все равно, все равно картина не стоит, чтобы из-за нее страдали люди!

– Как тебе? – спрашивает Тим.

– Полное дерьмо, – зло отвечаю ему мыслями и тут же судорожно поправляю волосы. Как будто огонь из самого центра логова проник прямо в меня, перескочил на волосы. Мне чудом удается не закричать от страха, и я цепляюсь за полу пиджака Тима.

– Тебе опять плохо? – спрашивает Тим.

– Нет, нет, сейчас пройдет. Не беспокойся. Картина... картина очень интересная, эффектная. И этот огонь, который идет изнутри логова... он такой впечатляющий.

Тим бросает взгляд сначала на картину, потом недоуменно кидает на взгляд на меня.

– Да нет там никакого огня, это свет в окно так падает, вот тебе и показалось, скорее всего. Охх, Стейси. Так, можем подождать здесь, и картину, документально оформив согласно всем правилам, нам упакуют. Можем дожидаться завтрашнего дня, и тогда ее нам привезет курьер.

Не знаю, с чего Тим решил узнавать мое мнение, обычно мои мысли насчет таких мелочей его мало интересуют. Но, коли выпала такая возможность, хочу быстрее удрать оттуда, где меня просто преследует взгляд янтарных глаз.

Тим соглашается:

– Ладно, поехали домой, тем более не нравишься ты мне сегодня.

– Взаимно, – киваю в ответ, в мыслях, разумеется.

– Можем заехать в маленький ресторанчик и отметить наше новое приобретение. Ты, наверняка, воспользовалась ситуацией и ничего не приготовила на ужин? Да, признавайся, Стейси?

Да-да, я воспользовалась ситуацией и до трех тупо лежала в кровати. То, что на всякий случай приготовила три костюма и рубашки для аукциона, вычистила все любимые ботинки, отдраила все душевые в нашем доме, навела дежурный порядок во всех комнатах, а потом еще ездила к парикмахеру – это же не считается! Хотя куда с большим удовольствием я бы ходила на работу. Только вот слова о том, что «Моя жена не будет работать. Я сам могу дать ей все, что она захочет», оказывается, звучат романтично, только пока тебя лично не касаются.

Мы заказываем морепродукты, Тим расщедривается на шампанское, которое мне полагается только один бокал, а дальше мы едем домой. Все в нашей жизни течет по старому руслу, все по-прежнему и даже будто спокойно. Так кажется мне ночью, когда я пытаюсь уснуть и

не могу. Так кажется мне и утром, и даже в обед, в общем, до тех пор, пока мой телефон не начинает играть мелодию-оповещение:

– Добрый день, миссис Митчелл. Вас беспокоит мисс Роуз, я по поводу вчерашнего аукциона.

– Добрый день, мисс Роуз. Вероятно, вам следует позвонить моему мужу. Я, к стыду своему, весьма мало разбираюсь в тонкостях аукциона. Правда, если приедет курьер, могу расписаться и забрать картину.

– Дело в том, что мы уже звонили мистеру Митчеллу. Он на объекте, проверяет локацию для вечеринки по работе и еще часа два будет вне зоны доступа. Так сказала его секретарь.

– Хорошо, вы можете дать наш адрес курьеру. Я буду дома и приму картину.

– Миссис Митчелл, вы знаете, мне очень жаль, но курьер уже выехал три часа назад.

Мисс Роуз делает небольшую паузу, которая мне очень не нравится. И новость о курьере, который уже три часа доставляет картину тоже режет по нервам.

– И? – уточняю я. – К нам никто не приходил.

– ... и исчез. Мы не можем выйти с ним на связь. Пожалуйста, передайте мистеру Митчеллу, что мы делаем все возможное, чтобы найти картину и курьера, но... пока безрезультатно. Мне на самом деле очень жаль...

Мисс Роуз не дожидается моего ответа, выключает телефон, и я остаюсь одна. Нет, точнее не одна, а с паникой, которая накрывает головой и затапливает разум. Через два часа о потере узнает Тим... Сначала он позвонит туда, к мисс Роуз и вытрясет душу. Но мне за нее не страшно, как бы ни орал, он и пальцем к ней не сможет прикоснуться. И вот тогда настанет мой черед.

Глава 12.

Глава 12.

Я сижу в углу гостиной нашего дома в кресле-каталке. Плавность движений напоминает качивание колыбели. Циклические неторопливые движения имеют свойство успокаивать. Но нет! Паника! Она не только в мозгу, не только в сердце, она в ногах, которые ослабли и будто не держат, на кончиках пальцев, которые покалывают тысяча иголок, она на поверхности кожи, которая покрывается россыпью крупных мурашек.

Раскачиваюсь. Обнимаю себя за плечи и раскачиваюсь. Так выглядят в кино люди с психическим расстройством. А я... я просто расстроена. Как мантру, повторяю одни и те же слова: – Два часа. Два часа. Пожалуйста, Тим. Пожалуйста, Тим. Не надо.

Где-то через полчаса приходит осознание, что надо что-то делать. Во-первых, приготовить ужин. Это обязательно. Не надо усугублять свое положение еще и отсутствием свежеприготовленной домашней еды. Только вот нож падает на пол, тарелка летит вдребезги, рассыпаю соль – и это я еще за гарнир даже не бралась! Не к добру все это, не к добру!

Еще час. Через час Тим будет в зоне доступа. Потом позвонит мисс Роуз, потом... не знаю. Вернется домой.

Пытаюсь себя успокоить. Быть может, картина нашлась. Курьеру стало плохо по дороге, упал, да мало ли что. Решаюсь позвонить мисс Роуз. Черт, зря тешила себя иллюзией. Конечно, она поспешила заверить, что если будут новости, сразу наберет мой номер. Вряд ли она сама верила в реальность такого положения.

Хотя... через десять минут с большой надеждой почти вприпрыжку скачу за телефоном, нажимаю на зеленый входящий, ожидая услышать долгожданную хорошую весточку.

– Миссис Митчелл, к вам приходил курьер?

Незнакомый голос разочаровывает. Очередной менеджер с аукциона?

– Нет. Мне уже звонила ваша сотрудница, мисс Роуз. Сообщила, что курьер исчез. Пожалуйста, найдите его быстрее!

– Вы плачете, миссис?

– Нет, просто...

– Что просто? Просто я вчера угадал, ваш муж – придурок, способный поднимать руку на более слабых и сегодня вам попадет или уже попало, да?

– Вы??? Это вы...

– Я задал вопрос, миссис Митчелл. Будьте любезны ответить.

– Нет, еще нет. Тим еще не пришел с работы, но...

– Следующий вопрос: хотите остаться дома и гадать, убьет ли он вас на этот раз или только покалечит? Или хотите освободиться от его ига?

– Это невозможно...

– Миссис Митчелл, я не собираюсь тратить время на уговоры. Пойдете за мной – вас никто не тронет, пока я жив...

Паника такая, что да, я готова, почти готова идти за незнакомцем, который может оказаться маньяком. Все же пытаюсь не навязывать себя:

– Я... я не знаю... Может, все обойдется...

Но уже по характерному стуку и даже пинку в дверь становится ясно: не обойдется.

Глава 13

Первый раз я делаю не так, как научил меня Тим. Точнее сказать: я делаю так, как учил меня Тим не делать ни при каких обстоятельствах. *Я не открываю дверь.* Нетерпеливый пинок повторяется, я даже слышу рычание Тима вперемешку с угрозами, а может, это моя фантазия уже вовсю разыгралась. Но я уже схватила телефон и несусь в ванную комнату. Только там наши двери запираются на замок.

У Тим есть ключи, попинав двери еще пару минут, он их достанет и зайдет домой. Еще 5 минут уйдет на то, чтобы найти меня в ванной и начать требовать, чтобы я вышла оттуда. Сколько минут уйдет на то, чтобы взломать дверь – не знаю. Но за свою жизнь при таком раскладе не ручаюсь. Впрочем, сегодня я за нее не ручаюсь при любом раскладе.

Трясущимися пальцами набираю последний входящий номер. Отступать некуда. Бояться больше чем сейчас я уже не могу все равно.

– Да, миссис Митчелл? – вопросительно рывкает телефон.

– Я согласна. Только быстрее, пожалуйста. Тим уже дома. Я в ванной. Когда он доберется до меня, мне конец.

– Если...

– Простите что?

– *Если* он доберется. *Некогда*, а *если*. Выезжаю.

– Наш дом...

– Я знаю, где ваш дом. Клади трубку и тихо сиди в ванной. Свет, надеюсь, выключила. Никакого диалога, тихо. Стейси, я приеду. Постарайся дождаться. Не знаю, насколько все у вас серьезно, но держись.

Телефон падает на пол. Открываю кран, чтобы побрызгать себе в лицо холодной воды, но тут же закрываю. Сажу тихо. Каждый глоток воздуха вбираю осторожно. Вспоминаю про телефон. Ставлю на беззвучный режим. Жду... жду.. жду...

Думать о том, в скольких шагах от меня находится Тим невыносимо. Сидеть в ванной на полу тоже становится невыносимо. И стоять невыносимо. Несмотря на то, что здесь тепло, все тело начинает колотить. Достая из шкафчика большое розовое полотенце, что накинуть сверху футболки. Как назло, дверь немного скрипит. Ругаю себя на чем свет стоит, ведь сказано же было: «Тихо».

Мне кажется, прошло минут пятнадцать. Ну не может Тим так долго меня искать! Однако, когда смотрю на телефон, оказывается, что стрелки передвинулись вперед только на пять минут.

Еще через пять он меня найдет... Сможет ли обладатель янтарных глаз приехать к тому времени – очевидно, нет. Я даже не спросила, как далеко он находится. Вполне возможно, даже в спешке дорога займет минут сорок. Даже если к этому времени буду жива, Тим изрядно меня потреплет.

Я сглупила? Может. Но я много раз поступала так, как учил Тим, как «воспитывал» Тим, и ничего не менялось. Становилось только хуже. Поэтому не буду себя корить за то, что попробовала иной путь. Жалею только об одном: надо было из кухни еще и нож захватить. Для кого? Для Тима? Для себя? Не знаю. Не думаю, что смогла бы воспользоваться им, но было бы спокойнее...

Поднимаюсь с пола, чтобы размять затекшие ноги и обнаруживаю красное пятно на полу, даже ряд красных пятен, которые стремительно перерастают в маленькую лужицу. Еще же рано, почему именно сегодня? На минутку забываюсь, переключаюсь на новую проблему, ищу

в полутьме тампоны, но едва вытираю «ручеек» на полу бумажной салфеткой, раздается стук в дверь.

– Зря вытирала, – с изрядной долей сарказма, – думаю про себя, – скоро здесь этих красных пятен будет... немало будет.

– Стейси, ты в ванной?

Не кричит, говорит спокойно. Странно.

– Стейси, открой дверь, нам надо поговорить.

«Не вступай в диалог», – помню предупреждение от незнакомца. Молчу.

– Стейси, нам всего лишь надо поговорить. Открой дверь, милая. Чего ты боишься, глупая?

Я бы поверила. Я бы обязательно поверила, но не сейчас, когда обнаружила у себя талант узнавать его настроение по стуку в дверь. Я бы поверила тогда, три года назад. И верила. И страдала от своей глупости. «Нам надо поговорить» никогда не кончалось только лишь словами. Более того, оно редко когда и начиналось словами.

Я в ванной уже 15 минут. Может, незнакомец и не собирается приезжать? Нет, он обещал. Я должна просто потянуть время. Пятнадцать минут – так мало. Хотя бы тридцать, да хотя бы двадцать, и я бы начинала жить надеждой. Но Тим стоит в ванной сейчас.

– Стейси, открой и не зли меня. Давай поговорим или я выломаю дверь.

Тим угрожает тем, чего я сейчас боюсь больше всего на свете. Очень зябко. Еще сильнее укутываюсь в полотенце.

– Тим, пожалуйста, уйди. Или давай поговорим через дверь.

– Что еще ты прикажешь делать в МОЕМ доме?

– Тим, я боюсь тебя. Пожалуйста, уйди.

– Боишься? Потому что наворотила дел, да? Открывай дверь, иначе завтра тебя мать родная не сможет узнать.

Бесполезно говорить. Бесполезно отвечать.

– Стейси, вскрыть замок в ванной для меня дело пяти минут.

Я знаю, но может, эти пять минут станут для меня спасительными?

– Тим, лучше уйди. Я вызвала полицию. Тебя посадят.

Отсмеявшись не менее двух минут, что для меня тоже неплохо, Тим переспрашивает:

– Так ты еще не поняла, что связываться с полицией вопреки моей воле бесполезно? Ты глупее, чем я думал, жена. Или ты шутишь?

Так и не дождавшись ответа, Тим делает последнее предупреждение:

– Так, Стейси, я засекаю минуту. Либо после этого ты мне сама открываешь дверь. Само собой разумеется, даже в таком случае наказание ты сегодня заслужила. Либо я иду за отверткой и открываю дверь сам. И вот тогда я тебе не завидую. Искренне не завидую. Даже сказал бы сочувствую.

Руки тянутся к замку, Тим будто чувствует это:

– Ну же, девочка, давай, и тогда, так и быть, я немного пожалею тебя.

Руки тянутся, но я заставляю принять их исходное положение.

– Стейси..., – слова Тима прерывает звонок в дверь.

Он успел! Он успел! Я скатываюсь в тяжелые рыдания от облегчения. Только сейчас в полной мере осознаю, как тяжело, мне было эти самые длинные в моей жизни двадцать минут.

– Ты все-таки вызвала полицию, глупая Стейси! Ох, ну раз жизнь тебя не учит ничему, буду учить я.

Покончив с угрозами, Тим спускается на первый этаж, чтобы открыть дверь. Еще ничего не кончилось, ничего. И все же самое страшное позади. Поддаюсь минутной слабости, позволяя рыданиям дальше вырываться наружу. А дальше прошмыгиваю в нашу спальную комнату, чтобы забрать документы и немногочисленные украшения. Он, этот с янтарными гла-

зами, поможет, я это чувствую. Может, Тиму я и кажусь глупой и наивной, но на этот раз точно не ошибаюсь. Хотя бы потому, что не может человек все время ошибаться. Хотя бы потому, что таких как Тим я научилась распознавать за версту.

Глава 14.

Дарк

Все мы в жизни ошибаемся. И платим за свои ошибки. Дорого платим. Только научившись отвечать за свои ошибки можно прожить достойную жизнь. Не научишься – будут платить твои дети, не дети – так твои внуки, до седьмого колена будут платить. Очень дорогая цена.

Почти полвека назад кто-то из людей совершил роковую ошибку – сделал «Логово» частным владением.

Это – не их территория.

Нехорошая слава о ней не зря ходила и продолжает блуждать по городу. Окутанная тайнами, загадками, нехорошая слава.

Но место тут не причем. На самом деле место замечательное. Просто здесь не должны находиться люди – только оборотни. Это своеобразная забота стаи о бракованных, изгнанных, тех, которые бродят в облике животных и не могут обернуться людьми, хотя частичка их души и стремится к жизни человека. Невозможность прикоснуться к жизни людей по-настоящему делает их несчастными. Большая часть ослабевает и заболевает. И это не самый худший из всех вариантов развития событий. Потому что остальные становятся агрессивными. Это – не просто агрессивные волки. Это – очень умные, расчетливые, мстительные, суровые твари, ненавидящие людей.

Если бракованные в образе волков живут и страдают в определенных местах типа «Логова», то найти другую часть бракованных – часть, лишившуюся своей звериной натуры – гораздо сложнее. Их увозили из стаи тайком, подкидывали в дома малюток, оставляли возле роддомов, и вряд ли бы кто их мог найти, вряд ли кто мог признать в них необычных детей. Только небольшой браслет или цепочка, обязательно с адуляром – лунным камнем, положенные рядом с такими детенышами, могло указать, что такие подкидыши – не случайные явления, не несчастные дети нерадивых мамаш. Хотя, кто знает, говорят, что и судьбам детей с браслетами с адулярами не позавидуешь...

...Говорят, раньше все было гораздо проще...

Говорят, раньше оборотни не были столь категоричны в отношении бракованных...

Они жили вместе, в стае, почти не ощущая разницы в отношении себя.

Потерявшие с рождения часть своей души, даже если и страдали, грелись об душу других оборотней. Тянулись к другой сущности жадно и страшно привязывались к тому, кто разрешал греться об свою душу...

Обижать бракованных считалось признаком трусости. Как нельзя обижать слабых, детей, стариков, так нельзя трогать и бракованных. Это было непреложной истиной с давних времен.

Все изменилось, когда к власти пришел Йылдырым. Молодой, амбициозный, он внушал страх всем и каждому.

– Бракованные разрушают мир двуликих. Если б не они, мир людей принадлежал бы нам, – вещал его голос тогда из всех источниках, доступных только для двуликих.

Грамотный пиар, и он смог склонить на свою сторону большую часть самых уважаемых кланов. Мой отец не был среди его поклонников. И я впервые увидел слезы в его глазах: он сказал, что Йылдырым молнией выжигает все лучшие каноны в наших стаях (*прим. автора: Йылдырым – в переводе с турецкого – Молния*). И его сегодняшнее заявление можно считать точкой отчета разрушения мирной жизни оборотней.

Но наше мнение никого не интересовало. Тогда мы и не входили в число почтенных кланов, были середнячками. Это и стало нашим спасением. Потому что противники и неприятели Йылдырыма из почтенных кланов странным образом погибали.

Йылдырым много чего наворотил в своей жизни – и плохого, и хорошего, и умер в очень молодом для обратной возрастной категории – год назад его с почтением похоронили в семейном склепе в возрасте восемьдесят два года. А год назад, когда место Йылдырыма занял его оппонент Атеш, началась серьезная работа над ошибками. Я – один из тех, кто был задействован в этой работе. Не знаю, насколько огонь безопаснее молнии, но на то была воля моего отца (*прим. автора: Атеш – в переводе с турецкого пламя, огонь*). Да я и сам хотел этого.

Только этот аукцион с картиной и перепуганная девушка-девчонка с улыбочивой маской на лице перепутали мои планы. Меня тянуло к ней. Тянуло так, как к никому и никогда. До скрежета в зубах. До боли в паху. Когда впервые увидел живую и вблизи, одновременно захотелось сделать две вещи: запустить пальцы в ее волосы и утонуть в глазах. А потом, будь моя воля, я бы разорвал молнию на ее платье и выпустил на волю аккуратные грудки, спустил бы трусики и...

– Миссис Митчелл, советую увести отсюда мужа и самой убраться побыстрее, до покупки картины. Иначе платить будете оба, и цена вовсе не понравится, как не понравилась Альфреду Миллсу. Знакомое имя, не так ли? – произнес я вместо всего этого.

Работа прежде всего. А все те шалости, что промелькнули у меня в голове можно творить только со своими истинными. Стейси не могла быть моей истинной. В этом я был уверен на все сто.

Глава вышла с опозданием. Прошу прощения у своих читателей. Далее буду прилагать все силы, чтобы не отклоняться от заявленного графика.

Глава 15.

– Хай, дружище. Заходи. – Мне не нравится ни тон, каким разговаривает этот придурок, ни то, как лихорадочно блестят его глаза.

– Где твоя жена – миссис Стейси Митчелл? Поступила информация, что она в опасности, – говорю спокойно, но меня разрывает от ярости, которая близка к тому, чтобы выйти из-под контроля.

– Ох, женщины, женщины. Вероятно, у нее ПМС, разнервничалась, немного поругались, я тоже был на взводе, возможно, голос повысил, она сразу за телефон звонить в полицию. Слишком много свободы дали женщинам, слишком.

Похоже, Тим Митчелл принимает меня за представителя органов, на которых у него, очевидно, имеются какие-никакие рычаги воздействия.

– Я спрашиваю, где Стейси Митчелл? Я не семейный психолог, чтобы выслушивать какие у вас отношения.

Взгляд Тима Митчелла темнеет, лицо будто окаменевает, ладони сжимаются в кулак. О, теперь я понимаю, почему жена его так боится. Точнее, боялась. А еще точнее, это я очень надеюсь, что боялась, а не боится. Потому что оставлять ее в лапах этого чудовища я точно не собираюсь.

– Новенький? Недавно работаешь? Или один из принципиальных придурков, которым на начальство все равно, на награды все равно, просто прут ради справедливости туда, куда не надо и подышают от голода, а многие и до старости не доживают. Знаешь ли, аварии и пожары часто случаются.

Митчелл продолжает путать берега. Он пугающе спокоен в своей уверенности в безнаказанности. Ярость протекает по венам, заставляет тяжело дышать. Я мог бы обернуться и одной лапой отправить его к праотцам – наверняка, таким же гавнистым, как и он сам. Но мне нужна Стейси. Ее пугать нельзя.

Приняв мое молчание за слабость, Тим продолжает:

– Сейчас я позвоню твоему начальству. И завтра ты не будешь работать. Ни в своем районе, ни в своем участке, ни в Штатах вообще, ясно? Стейси в ванной. Заперлась. Плачет, наверное. И правильно делает. Потому что после сегодняшнего разговора она разучится звонить полицейским. Ее вообще трясти будет при виде своего смартфона.

Заехать бы ему по роже, но кровь кипит от волнения за Стейси. Усажу ее в машину, вот потом разберусь с ним. Тем более он имеет отношение к «Логову», значит у меня полный карт-бланш вплоть до летального исхода для этого слизняка.

– Где ванная?

Не дожидаясь ответа, поднимаюсь на второй этаж. Зверь, яростно рычащий и просящийся наружу, начинает громко рычать внутри меня, грозясь вырваться наружу и крушить все в радиусе видимости. Потому что в ванной я Стейси не вижу. Кровавые пятна на полу – вижу, а Стейси – нет. Глухое рычание раздается на всю округу и с опозданием на пять секунд понимаю, что это рычал я. Одни прыжок разделяет меня от Тима Митчелла, который с кем-то ругался, кому-то угрожал по телефону. Вероятно, с шерифом или кто там у него в знакомых.

Бедная Стейси! Тим умел нагонять страх. Не на меня, тем более я в это мгновение уже не был человеком. А вот на эту бедную девчонку холодный бесстрастный голос со стальными угрожающими нотами обязательно оказал бы влияние. Возможно, даже на шерифа оказал. Впрочем, Бог с ними. Меня более всего интересовала кровь в ванной. Поэтому через мгновение телефон улетел влево, а Тим летел в правую сторону. Неуклюже летел. Ни капли изящества. А потом глаза Митчелла удивленно расширились, потому что его придавила огромная

волчья лапа, которая пока почти ласково потерла коготки об шею. Венка в этой области отчаянно пульсировала, соблазняя, призывая меня вонзить в нее когти уже не ласково.

Тим Митчелл смотрел мне в глаза. Смело. Но глупо. Если бы не смотрел, возможно, смог бы сделать какие-то попытки отбиваться. Вряд ли это возымело бы успех, но все же как мужчина мог бы перед смертью себя зауважать. А так он лежал... достаточно смиренно лежал. Из носа капала кровь, вероятно, пару синяков, когда приземлялся, тоже заработал. Мало для этого ублюдка. Волк требовал свое, он просто кричал о том, что мало. Но мне надо было сначала поговорить. Поэтому перевернул его на живот и пока тот лежал носом к полу обернулся. Глаза Тима когда я поставил его на ноги расширились еще больше. А еще... начало неприятно пахнуть, а спереди на его брюках образовалось достаточно большое пятно.

– Итак, мистер Митчелл, давайте поговорим. Вам не принадлежат ни Стейси Митчелл, ни картина. Деньги за картину вам будут переведены на счет в течение десяти дней. У картины есть хозяин, и она ее дождется. Теперь что касается вашей жены. Завтра вы подаете на развод, на справедливый раздел имущества и больше никогда к ней не прикасаетесь. Ровно то, что вы сделали с ней сегодня, с вами сделаю я, ясно?

– Я.. ничего с ней не делал. Я пальцем к ней не прикоснулся сегодня!

– Кровь. Я видел кровь в ванной, – наглое вранье этого мужика начинало напрягать, а удар в челюсть должен был ему напомнить, что у нас не приятельская беседа.

– Но я действительно ничего не...

Еще один удар, теперь уже головой об стол, должен был усилить эффект, раз человек с первого раза не понимает.

Вот теперь понял. Но замолчал.

– Я.. я потом объясню, Тим не причем. Кровь в ванной не из-за него, пожалуйста, не бейте его!

Очень трудно выдерживать равновесие и сохранять в себе человека, когда тобой овладевают одновременно два полярных чувства. Сейчас я испытал огромное облегчение оттого, что со Стейси все в порядке, хотя в воздухе искрилась энергия ее страха. Но одновременно во мне поднималось раздражение:

– Пожалуйста, не бейте его... – передразнил я про себя ее тоненький голос. Потому что если сейчас эта дурочка пожалеет и начнет подтирать ему сопли и кровь и переодевать обоссанные штаны, я усмирю волка, который к ней рвется, сяду в машину и уеду, не обернувшись. Хотят играть в свои игры – ради бога. Но шанс уйти от этого придурка судьба ей дала. В виде меня. А вот я уже вторыми шансами не разбрасываюсь.

Глава 16

Он осторожно закрывает дверцу автомобиля с моей стороны, а сам занимает место водителя. Я не села рядом с ним. Сознательно выбрала заднее сидение. Понимаю, что Он – не Тим, я вообще не знаю, как его зовут, но энергетика нелегкая. Я бы не хотела занять такого врага.

Я вижу в его глазах искорки заботы, не верю, что сможет причинить вред, по крайней мере не мне и не сегодня. Но в принципе... может. Если найдет веские причины для этого. Как Тим. Он тоже умеет... умел находить такие причины...

Картины сегодняшнего дня не умещаются в голове. Я не знаю, что он сотворил с Тимом. Но это был не тот Тим, которого я знаю. Жалкий, трусливый, мерзкий... Пытался плевать рядом. В конце концов, он не испугался и прошептал вслед:

– Если думаешь, что я это вот так оставлю, очень ошибаешься, Стейси. Пройдет время, жалеть будешь, вспоминая сегодняшний день... Весь город перерою, но найду тебя. Или подберу... после этого... подберу и верну себе, чтобы превратить твою жизнь в ад.

Тим не мог видеть янтарный блеск в глазах этого человека. А я видела. Именно поэтому мне было не так страшно от угроз. Хотя для Тима как раз этот блеск нес угрозу.

Незнакомец посадил меня в машину и хотел вернуться назад «на пару слов». Я знала, что это значит, очень хорошо знаю. Когда Тим так говорил, это значило, что прибудет так, что места живого не оставит. Незнакомец хотел пойти добить его. Уверена в этом. Стало страшно. Не за Тима. Больше за того, кто помог мне спастись. Тим наверняка уже звонит своим друзьям в органах.

– Пожалуйста... Не надо... Поедьте отсюда... Побыстрее..

Он с сожалением посмотрел на дом и завел машину.

– Он к тебе притрагивался сегодня?

– Сегодня нет...

– А кровь?

Вижу взгляд янтарных глаз в зеркале.

– Простите, мне стыдно отвечать.

Прячу глаза.

– Сама пыталась? А потом испугалась в последний момент?

А вот теперь я уверена, что и незнакомец может быть исключительно суров. Потому что в его голосе столько осуждения! Не знаю, возможно, даже презрения. Его чувства я ощущала как свои, поэтому было особенно плохо. Еще больший стыд, чем если бы я сказала правду, окатил с головой до ног. Усилием воли заставляю свой голос не дрожать и отвечаю, глядя прямо в его глаза в зеркале:

– Это просто месячные. Начались немного раньше времени.

Удивительно, но стыд убрался, будто его и вовсе не было, как только я произнесла эти слова. Мне не было стыдно. Ни за то, что у меня «эти дни», ни за то, что не успела убрать пятна в ванной. А еще удивительно, что незнакомец никак не выражал негативные ощущения от этих слов. Но не может же быть, что ему приятно это слышать. Тим, например, в такие ночи настоятельно просил, чтобы я ложилась спать в гостиной.

А сейчас мне ни капли не стыдно. Возможно, стыдно будет завтра, послезавтра, но не сейчас. Сегодня организм категорически отказывался пребывать в любой негативной эмоции. Даже картинки-фрагменты то с окровавленным лицом Тима, то его трусливыми и бешеными одновременно глазами, то со мной, отчаянно запрещающую себе открывать дверь в ванную перед Тимом просто мелькали перед глазами, вызывая только одно желание – спать.

Незнакомец снова стрельнул в меня взглядом:

– Ты молодец!

– Потому что позвонила тому, чье имя даже не знаю?

– И потому – тоже. Кстати, я Дарк. Но больше потому, что не передумала ехать в последний момент.

– Это называется «не молодец», а трусость. Мне было бы страшно оставаться с ним.

– Будь ты трусихой, ты бы не отговорила, а настояла, чтобы я пошел и добил твоего будущего бывшего мужа-мудака. Ты могла бы остаться с ним, чтобы доказать, что он зря бил тебя все эти годы, чтобы он увидел, какая ты хорошая и преданная. Вряд ли бы он понял сей акт преданности, конечно, скорее всего, он бы хорошенько на тебе отыгрался, но, знаешь, немало жертв попадают на эту удочку и не пользуются шансами судьбы. Слушай, я тебе рассказываю, а ты бесперерывно зеваешь!

– Простите... прости, Дарк. У меня действительно сил нет даже на то, чтобы узнать, что со мной дальше будет.

– Ничего страшного не будет. Но розовые пони тоже не прискачут, не в сказке живем. Не думаю, что этот мудак быстро успокоится. Стейси, на-ка, лови!

Дарк кидает мне на колени плитку черного шоколада с арахисом, я запиваю шоколад то ли колой, то ли пепси. Но ничего не помогает. Слова Дарка теряют смысл где-то на пол пути до моего мозга и я отрубаясь прямо в машине.

Глава 17.

Слежу за дорогой и мимоходом успеваю ловить ее взгляды. Сначала смущалась, затем более или менее открылась, а потом и вовсе уснула, несмотря на то, что хотел взбодрить ее шоколадом.

Стейси уснула, визуальный контакт полностью прервался, а меня тянуло к ней. И даже мой зверь не рыпался против, хотя обычно, когда я удовлетворял свои естественные потребности, недовольно урчал. Что ж поделать? В стае тщетно пытались найти мне пару, но мой зверь никого не признавал. Он хмуро соглашался, когда я уединялся с красотками, которые с удовольствием подставляли одну или не только одну из свои щелей. Я находил в этом удовольствие, тревоги, коих было немало, в такие моменты отступали, организм расслаблялся.

Я был благодарен девочкам за удовольствие и, как нормальный мужик, добывал им мамонта – кто-то хотел с подругами погулять по Риму, кого-то привлекал новый айфон. Были и такие, которые преданно заглядывали в глаза, готовые привести в исполнение любое мое желание: только взгляну, а такая уже на коленях, трусики слетели, а она тянется к моей ширинке.

Вот таким категоричное «нет», неважно, это был разыгрываемый спектакль хищницы, мечтающей заполучить преданного беты нашего альфы, сумевшего из середнячков стать вторым волком в стае, или это был действительно альтруистический порыв. Такие вот благородные порывы, жертвенные девы вызывали полное мое отторжение.

И тогда тем более удивительно, что я запал на Стейси. Назвать это чувство любовью я не могу. Не могу решиться. Однако мой зверь довольно урчал, когда смотрел на заспанную Стейси, не ворчал, упрекая меня в излишней сентиментальности и это тоже было удивительно. Я остановил машину. Мне надо было заехать за ключами от маленькой квартиры на окраине. В последний раз для какой-то вечеринки эту квартиру использовал мой брат.

– Я внизу, Дэв, в машине. Будь добр, спусти ключи.

Так сложилось, что виделись мы с ним нечасто, а теперь, когда я был замешан в деле «Логово» и вовсе времени на встречи не оставалось.

– Ух ты, – присвистнул Дэв, взглянув на Стейси, – а я думал, что у тебя нос задрался, что подняться не можешь до моего жилища. А у тебя вон оно что? Неужели твоя? Или просто очередная ...?

– Шшш, – угрожающе прошипел я в ответ. Почему-то не хотелось, чтобы Стейси слышала такое про меня ну или про себя. – Уснула девочка. День у нее был тяжелый.

– Аха, – усмехается паршивец, – а то я не слышал, что после тебя у девочек ноги не держат, дерешь их как...

– Да заткнись уже, Дэв. Не моя она. Просто в беду попала. Да и не из наших она, простая человеческая девочка...

Интерес Дэва к Стейси тут же теряется, так, что даже обидно становится за нее. Очень бы хотелось, чтобы она была из наших, чтобы могла видеть янтарь в моих глазах, принять моего волка, дать волю своей волчице. Только нет даже малейшего шанса, чтобы она оказалась той, которая сможет усмирить, насытить своим присутствием моего волка. И это большая удача для Стейси, что последние месяцы я живу больше среди людей. Никогда не думал, но на моего зверя это тоже повлияло. Усмиряет инстинкты, слушается меня. Будь иначе, увез бы Стейси от Тима и сам бы отодрал в ближайшем отеле. А так волк смотрит на нее и облизывается, облизывается и умиляется. Жалеет ее. Красивую. Загнанную в угол. Вылечить бы ее от всех травм, что нанес муж-мерзавец. Только как? Для этого любовь нужна, которая от сердца идет, а не из другого места. А Тима... убить мало. Пусть не рассчитывает, что так легко отделался. Наши дороги еще пересекутся.

Глава 18.

Яркое весеннее солнце слепит глаза, отчего я их резко распахиваю, сердце уже летит куда-то вниз и начинает тарахтеть как мотор заведенной машины. В голове стучит только одна мысль:

– Опоздала...

И только засунув ноги в тапочки – явно не мои, а размера на три больше – понимаю, что что-то изменилось. Память возвращается. Мне не надо спешить, чтобы приготовить завтрак. Не надо судорожно выключать будильник, который должен прозвенеть через десять минут. Мне ничего не надо. В это самое мгновение я никому ничего не должна. Бояться? Возможно, надо, но не прямо сейчас же!

Открываю шкафчик и нахожу свою сумку, наспех собранные вещи, среди которых я отыскиваю зубную щетку, расческу и резинку для волос. Из косметики – только крем для лица. Спустя десять минут спускаюсь вниз.

– Привет. Я слышал шорохи наверху и приготовил кое-что поесть...

Отвечаю на приветствие. Любопытство, тревога, умиротворение – смесь из каких-то контрастных чувств выбивает из колеи и в то же время радует. Не могу понять, как такая смесь может дарить ощущение абсолютного счастья.

Догадка приходит немного позднее: здесь я чувствую себя живой. Да-да, я живая, живу, значит, могу бороться, обустраивать свою жизнь. Правда, пока я зависима от этого странного незнакомца, который представился Дарком. Но и это пока не особо волнует. Такое чувство, что меня приговорили к смертной казни, а минут за пять до этой самой казни не только помиловали, но и оплатили круиз, о котором я даже мечтать не могла.

«Я приготовил кое-что поесть»... Слова Дарка звучат музыкой, я бы пела эти строки, и они бы мне заменили самые романтические композиции в мире. Тим покупал цветы и подарки, но то, что предшествовало покупкам брендовых сумок, драгоценностей заставляет сердце тихо сжиматься.

Я же сама... сама допустила такое к себе обращение. Верила... Ждала, что изменится... Верила не только ему, но и маме с папой, когда они говорили о том, как мне повезло с мужем.

Ха! Это вырывается горький смешок из глубины сердца. Это им повезло с зятем. За каждый мой синяк деньги капали и на их кошелек тоже. А деньги нужны, очень нужны, ведь бедному Николасу до сих пор не везет в бизнесе...

Надеюсь, что в моей будущей жизни скоро настанет такой момент, когда я не буду сравнивать свою жизнь с жизнью рядом с Тимом. Просто вычеркну, как будто его и не было. Пусть не сразу, но такой момент может, должен ведь наступить?

Я спускаюсь к Дарку, который заварил кофе, нарезал свежий хлеб и уже пододвинул ко мне тарелку с яичницей.

– Не особо умею готовить, – признается он, – но подкрепиться надо. Ты вчера даже не шлохнулась, когда перенес на кровать.

– И проспала почти до обеда... Прости...

– Да брось, за что прощать, все в порядке.

– А Тим?

– Все в порядке. Пока от него ничего не слышно. Мы находимся в Тарритаун. Вряд ли он будет искать тебя по окраинам... Но нельзя исключать и такой вариант. Вряд ли вы пересечетесь, но опять-таки, давай соблюдать осторожность. Если ты вдруг решила вернуться к нему

и спрашиваешь ради этого, после завтрака отвезу, но на этом наше общение прекращается. Второй шанс – это не ко мне, говорю сразу же.

– Нет! – горячо заверяю его. – Но и обузой быть не хочу. Я могу устроиться официанткой, а еще неплохо готовлю. Немного накоплю денег и сниму комнату...

– Ты реально думаешь, что я не в состоянии прокормить такую птичку как ты? – Дарк улыбается, и отчего-то я немного смущаюсь. Отвечаю невпопад:

– Я много ем.

Его улыбка становится еще шире:

– Съешь все, что есть в твоей тарелке и попросишь добавки – поверю.

Мне становится так тепло от его улыбки, как будто я попала в свой дом. Мне рады просто потому что я – это я. Просыпается аппетит, хотя про много – это, конечно, была шутка с моей стороны. Тем не менее кусок хлеба, яичница и стакан кофе вполне неплохо помещаются в мой желудок. Давно такого не было. Снова это ощущение наполненности жизнью затмевает все остальное. Я замечаю, что сижу и улыбаюсь, улыбаюсь глупо, но ничего не могу с собой поделать.

– Добавки?

О не-ет, аппетит аппетитом, но я не привыкла столько есть.

– Было очень вкусно. Спасибо. Но после добавки я лопну, честное слово.

Дарк тянется рукой к моим губам, мягко проводит по их краям:

– Крошка. Там была хлебная крошка, – объясняет он.

А я испытываю невероятное ощущение: будто внутри меня поселился какой-то зверь – как минимум дикая кошка, которая довольно заурчала от этого прикосновения. Какой-то порыв заставляет дотронуться, да что там, схватиться за эти пальцы, но я тут же останавливаю себя и впервые смущаюсь. Зверек внутри меня будто дергается, недоволен моим смущением, но он такой маленький, а мой самоконтроль достаточно большой... Эмоции затапливают, потому что во всем этом есть что-то невероятное, волшебное, пугающее.

Так, надо заземляться. Неловко хватаю посуду со стола и убираю в раковину. Старательно избегаю встреч со взглядом Дарка, потому что это неправильно, ненормально. Я сейчас должна бояться до дрожи и прятаться в комнате. А я не хочу. Не хочу убегать в комнату наверху. Не хочу бояться. А прикосновения Дарка... они прекрасные, но... темные. Да, именно так, они пробуждают что-то темное и запретное, которое должно было быть похоронено в глубинах моего подсознания и никогда не воскресать. Я знаю, что стою на пороге перемен, но меня смущает отсутствие страха. Страх в моей ситуации - естественная реакция нормального человека. Никогда не думала, что так скажу, но, черт, почему мне не страшно???

Глава 19.

Дарк явно показал, что не запрещает, но и не поощряет вылазки во внешний мир. По крайней мере, пока, по его мнению, мне лучше посидеть дома, а если нужен свежий воздух, то я вполне могу насладиться им на заднем дворе. Да мне не особо и хотелось куда-то идти, не хотелось новых впечатлений, но и закрываться в своей раковине, оградиться от всего мира желания тоже не было. Просто ... новая жизнь и без всего этого как-то ...меняла меня. Возможно, это потому, что я чувствовала себя защищенной, чего не было очень давно. Это на самом деле были очень забытые ощущения, я бы даже подумала, что их никогда не было, не нет, совру. Они именно воскресали откуда-то издалека.

Мне очень бы хотелось с кем-то поделиться с тем, что со мной происходит. Я не понимала, насколько нормально испытывать столь странные ощущения. Я ощущала себя собой... но другой.

В первую неделю мне было не по себе, когда я оставалась в доме одна. Казалось, придет Тим – и тогда случится непоправимое. Какое оно, это «непоправимое» – не знаю. Я будто себя не узнавала. Точно знала, что живой Тиму не дамся. Либо – он меня, либо – я его. Никаких третьих вариантов, только эти два – одинаково пугающих.

Прежняя Стейси испуганно отсиживалась бы в комнате да напекала бы пироги для Дарка, чтобы хоть как-то отблагодарить за спасение, за предоставленный кров. Сейчас я была благодарна ему, очень, но это была приятная благодарность, из-за нее не хотелось ходить на задних лапках. Сильная энергетика Дарка уже не ощущалась как подавляющая, скорее, восхищала.

Будет ложью, если я скажу, что мое недавнее прошлое ушло совсем без следа. Иногда ночами во снах ко мне приходил Тим, хватал, угрожал, пытался ударить, но прежде чем ему это удавалось, я просыпалась и вскакивала с кровати. Чтобы успокоить колотящееся в груди сердце, я выходила на задний двор, смотрела на небо, на зародившуюся луну. Что я там высматривала – не знаю, но в такие моменты прекрасно понимала, почему волки воют, глядя на нее. Я бы сама завывала, если бы не боялась показаться сумасшедшей.

Да-да! Если отчего мне и было страшно, то это от того, что казалось, схожу с ума. Иногда успокаивала себя, что ничего страшного и странного не происходит. Ну вот так отреагировала моя психика, это пройдет, я стану прежней Стейси... Проблема в том, что быть прежней мне отчаянно не хотелось. Я убегала от этих постоянных размышлений, заставляла себя заниматься насущными делами. Но и их было мало. Дарк часто пропадал в городе и в Тарритаун возвращался лишь поздно ночью. А готовка ужина на двоих занимала мало времени.

И все же очень скоро мне пришлось на практике убедиться, что от прежней Стейси осталось не так уж много и если кто посягнет на мое тело – получит сполна.

Это было в праздничный день 17 марта [1] и, кстати, день начинался очень неплохо.

[1] – 17 марта – традиционный праздник в США, День Святого Патрика. В этот день принято надевать одежду зеленого цвета, смотреть парад, пить знаменитое зеленое пиво в местных ирландских пабах.

Глава 20.

Еще с утра я поинтересовалась, придет ли Дарк домой вовремя или будет отмечать День Святого Патрика в пабе. Дарк отметил, что пиво, в отличие от своего брата Дэва, он терпеть не может в любом виде.

– Если хочешь, можем съездить в центр города и немного повеселиться, – предлагает он. Только боюсь, на парад мы не успеем.

Я бы с радостью вышла куда-либо дальше заднего двора частного дома и от радости прыгаю словно маленькая девочка.

Зеленой одежды у меня не было, но я не парилась насчет ее, по крайней мере, я думаю, значок с изображением трилистника Дарк найдет, а значит, можно будет себя чувствовать причастной к празднику. С особой любовью и удовольствием готовлю праздничный ужин: и баранину по-ирландски, и ирландский яблочный пирог.

До прихода Дарка еще есть время, и решаю немного заняться собой. Мне удастся нанести более или менее сносный макияж при помощи косметики, которую заказал для меня Дарк. Как раз к этому времени я слышу, как открывается входная дверь и я, пребывая в радостном предвкушении скорого праздника, скачу навстречу тому, чьи янтарные глаза до сих пор иногда будто бы жгут меня изнутри и ...

...и натываюсь на грудь мышц, которая только отдаленно напоминает Дарка. Только к Дарку я привыкла, а от этого, практически постороннего мужчины несет опасностью и пивом.

– О, ты до сих пор здесь! Я думал, человеческие девчонки быстро надоедают моему братцу, и он давно послал тебя.

– Дэв? Дарка еще нет, но если хочешь, подожди его в доме...

Дарк никогда не был груб со мной, я начинала уже отвыкать от подобного и даже верить, что заслуживаю большего, поэтому слова Дэва причиняют боль. Прикол с выражением «человеческая девочка» вообще не был для меня понятным. Подумав, приняв к сведению, что Дэв все-таки брат Дарка, я решаю не обращать внимание на грубость и предлагаю ему пройти в дом и поужинать.

Ради вежливости я осталась с ним за одним столом, ради вежливости старалась заполнить паузы в разговоре, заставляла в себе пробуждать правила этикета, которые были актуальны в моей жизни рядом с Тимом. На лице – вежливая легкая улыбка; ненавязчивые вопросы и такие же общие ответы, но главное – полное игнорирование знаков тела. На самом деле мне хотелось укрыться в своей комнате и сидеть там до прихода Дарка.

«Ты делаешь это ради Дарка потерпи» уговаривала я себя и даже пропустила первый важный звончок. Этот родственничек – Дэв попросил положить немного льда в его стакан с колой и задел мою руку. Внутренности трянуло, но я сделала вид, что ничего страшного не произошло. Может, это было нечаянное прикосновение? Дарк тоже меня задевал, когда мы в столовой комнате что-то делали вместе. Только от прикосновений Дарка меня не передергивало, наоборот, становилось как-то теплее.

– Ох, прости, – выдавил из себя Дэв. Видимо, заметил мое смущение. Вот и все, ничего трагического не случилось. Да и он будет осторожнее. С облегчением отвечаю:

– Ничего страшного, Дэв.

Чувствую небольшое облегчение. Стараюсь дальше поддержать разговор:

– Может, еще яблочного пирога?

– О нет, спасибо, было очень вкусно. Я люблю все вкусное...

– Рада.

На самом деле от дежурной улыбки начинала ныть челюсть, и я уже мечтала, чтобы пришел Дарки и сам развлекал своего брата.

Увидев, что Дэв все доел, забираю его посуду, подхожу к раковине, чтобы просто сполоснуть. Я не понимаю, что происходит, потому что в воздухе начинает пахнуть электричеством. А потом...

...а потом мощное тело припечатывает меня к раковине, а тяжелая шершавая ладонь поглаживает бедра.

– Что ты делаешь, придурок? – я уже кричу, потому что правила этикета уже точно не к месту.

– Ничего страшного, Стейси, – парирует он мой недавний ответ. – Я же говорю: люблю вкусное. Ты манкая, словно внутри тебя живет волчица, ты не похожа на других людей. Манкая, сладкая...

Пока он говорит, я закипаю гневом. Чертова привычка, сначала теряю время, направляя гнев на себя, но на смену довольно быстро приходят другие чувства, ощущения, даже навыки. Они появляются из ниоткуда, и в то же время я знаю, что они были всегда со мной. Это я была слепа, глуха и не замечала их. Как не замечала опасности от Дэва, а когда замечала – старательно глушила.

– У нас мало времени, Стейси. Подними подол, сними трусики... давай же побыстрее...

Крайне неудачные слова, Дэв, крайне неудачные. Они возвращают меня в недавнее прошлое, заряжают такой долей гнева, что я начинаю бояться саму себя. Поворачиваясь к Дэву и с удовольствием вижу изумление и даже ... страх в его взгляде...

– Стейси... – бормочет он, – ты... ты... твои глаза... я не знал... мне Дарк ничего не говорил...

Дэв пятится назад.

Я, словно одержимая, иду прямо на него, смотрю прямо в его глаза, напирая:

– Что с моими глазами, Дэв? Почему ты на них переключился? Только что ты был более внимателен к другим частям моего тела, тем, что пониже? Не понравилось? Так мне поднять подол? Снять трусики?

Я вижу страх в глазах Дэва, я тоже боюсь себя в этот момент. Я искренне верю, что могу сейчас схватить этого мужчину, который раза в три больше меня, который может уронить меня на пол нехитрым движением одной руки и затем раздавить, легко поддев ногой.

Но сейчас я ощущаю себя так, будто это он – а не я размером с козявку, и я рычу, именно рычу ему прямо в рот:

– Не приближайся ко мне ближе чем на метр, иначе я за себя не ручаюсь. Только ради Дарка я тебя сейчас отпускаю, хотя, пусть Желтая Луна не даст соврать, очень хочу вонзить зубы в твою шею и наслаждаться, смотря на то, как оттуда капает кровь, ясно?

Я не понимаю, что я несу, ужас от того, что говорю, накрывает не только Дэва, но и меня. Все же не зря я боялась сойти с ума. Мне кажется, именно это со мной и случилось.

– Уходи! – бросаю последнее слово в сторону Дэва и поднимаюсь в свою комнату.

Глава 21

Глава 21

Моя злость продолжает вырываться наружу. Я не такая. Я никогда такой не была. Да я... я котенка маленького не трону, наоборот, угощала бездомшей с детства. Что со мной сегодня? Я поперла на мужчину размером с быка, а он.. он испугался? Как он мог испугаться? Не проще ли ему было просто прихлопнуть меня? Сумасшедших бояться все, значит, он увидел это, увидел, что я свихнулась? Не могу найти другое объяснение поведению Дэва, не могу!!!

Непонимание усугубляет мое состояние. Мне хочется крушить, искать виновных и наказывать их, словно от этого станет легче. Злость очень плохо поддается контролю. Только делает вид, что затихает, а затем вновь вырывается откуда-то из меня урывками. И мне плохо, самой плохо, потому что не умею с ней обращаться, в какое русло можно направить эту злость? Это вообще возможно?

Видел бы кто мои метания в этот час! Я ложилась на кровать, вставала, мерила шагами комнату, сходила в душ, включила ледяную воду, потом – почти кипятком, потом – опять ледяную. Распахнула окно, несмотря на влажные волосы, жадно начала глотать воздух и снова закрыла окно. Холодный воздух освежал, но и остужал. Начинало трясти и я снова легла в постель и укуталась одеялом. Очень хотелось согреться, невыносимо хотелось тепла.

...Тогда, в кафе, во время долгожданной встречи с Ди, подруга старалась меня разговаривать. Нет, я была рада ее видеть, очень-очень, просто сложно было расслабиться, зная, что Тим будет недоволен мной, если узнает о встрече. Мне не хватало ее смешинок, ее задора. И вот когда мы ели тот злосчастный брауни, Ди со смехом рассказала, что недавно залезла практически после душа в постель и в порыве согреть ноги резко просунула их между коленями Марка. Вернее, она хотела это сделать, а вместо этого зарядила ему прямо... туда. Ди ухаживалась, рассказывая как смеялась и сочувствовала мужу одновременно.

– А Марк что? Как он перенес твой бойцовский удар? – посочувствовала я тогда. Я искренне не понимала, почему Ди рассказывает это со смехом. А оказалось, что потом они с Марком вдвоем посмеялись, тем более Ди сразу утешила мужа, так что тот и думать забыл о случившемся. Ди наклонилась и шепотом рассказала, как именно она утешила Марка. Счастливые!

Я грелась только при помощи одеяла. Мне никогда и в голову не приходила мысль о том, что могу лечь с Тимом в одну постель и засунуть свои холодные ступни меж его икр и спокойно греться. Наверное, это очень романтично и безумно приятно – вот так греться друг об дружку. Но... проделывать такое с Тимом? Страшно, невероятно страшно! Я бы на такое не решилась. Я на многое не решалась...

Например, спросить у матери, отца и Николаса, как им удастся спокойно гасить кредиты, зная истинную цену этим деньгам. Ладно, Ник, он явно игроман, как бы ни отрицал это ни сам, ни родители... Но мама...

И снова злость... Она должна была защитить меня. Она – мать. Ведь жила же я в ее животике девять месяцев? Ведь качала ж она меня на ручках и пела песни? Как теперь она спокойно переживает, что эту самую малышку неслабо поколачивают? Как она может спокойно брать после этого деньги Тима?

Пытаюсь задушить свою злость на корню. Я не имею права гневаться на маму, не имею! Но гнев порывается сквозь все защитные механизмы и, не в силах, обладать собой, я вою на луну. Открываю в сотый раз окно и вою так, что кажется, все внутренности наизнанку переворачиваются; болят мышцы, глаза чуть ли не вылезают из орбит, в висках стучит жаром. Последняя мысль – о том, что мне надо в больницу, неважно, кто меня осмотрит, невропатолог или психиатр, но терпеть эту адскую боль невыносимо.

Все заканчивается разом. Не страшно, не стыдно, только до сих потряхивает от злости так, что белоснежная шерсть с еле заметным голубым отливом колыхнется в воздухе. Нет боли. Есть четкое понимание того, что время платить по счетам – настало. Теперь каждый ответит на мои вопросы. И я – вернее, не я, а белая волчица легко выпрыгивает через окно и мчится вперед. И да, все-таки, это – я, а вот та забитая несчастная Стейси – вот это была не я, либо очень извращенная форма моего Я. И каждый, кто способствовал этому – ответит.

Глава 22

Глава 22. Дарк

Мы редко видимся с Дэвом и потому его желание вместе посидеть на день Святого Патрика во мне вызвало только положительный отклик. Договорившись, что он с часик подождет меня дома, я снова погружаюсь в дела. Их было невпроворот, и предупредить об этом Стейси я забыл, но был уверен, что он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.